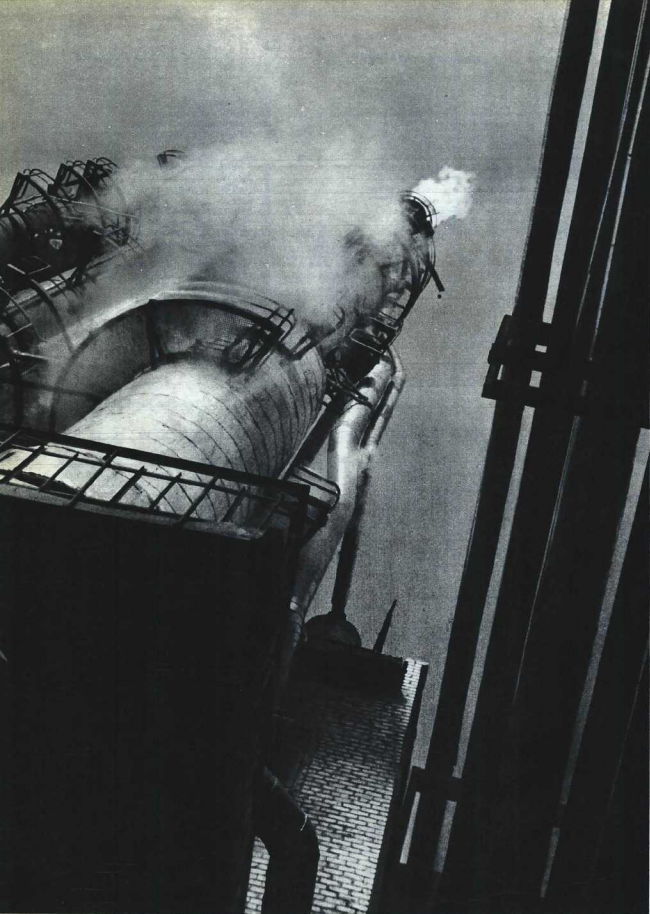

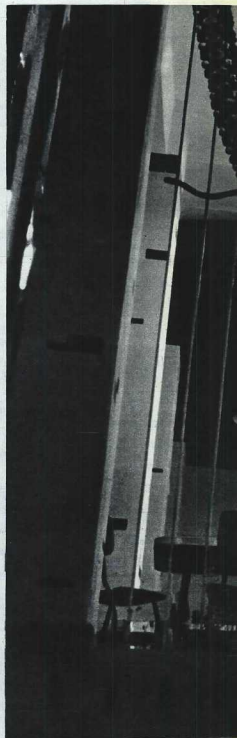
ЗДЕСЬ

ПО НОВЫМ ГОРОДАМ

Наталья ЗЕЛЕНСКАЯ

Фото С. ПЕТРУХИНА

У Северодонецка нет прошлого, у него все в будущем. Его еще не успели занести на географические карты — там он юн. Средний возраст его жителей — 27 лет.

Вспомните пристально в лица молодых городов — у каждого из них свой характер и даже свое настроение. Ощущаете это с первых же шагов, с которыми сталкиваетесь на улицах.

В центре «Горсправки» ряд объявлений: «Меняем квартиру в Москве на Северодонец», «Жарьков — на Северодонец», «Чайбинск — на Северодонец»... Люди, дающие объявления, наварились хмелини.

Книжный магазин. Здесь нет отбоя от покупателей, требующих литерату-

НЕЛЬЗЯ НЕ БЫТЬ МОЛОДЫМ

ру по химии, по технике и автоматике химического производства...

Говорить в Свердловце — значит говорить о химии — той «живой воде», которой обман своим поведением и саванно быстрым ростом, тонче — об одном из ее промышленных гигантов, Дзисчичинском комбинате.

Город сплел. Три раза в сутки, в один и тот же час, его улицы становятся похожими на реки. Люди заполняют всю их ширину: пешеходы, в автобусах, на мотоциклах и велосипедах движутся они в одну сторону — к Дзисчичинскому химическому комбинату. Уже осведомляются от строительных лесов и начинают работать другие предприятия, впрочем, тоже связанные с химией, но сердце Свердловце-

ка, к которому сходится все его артерии, — комбинат. Это целый город, среди огромных сооружений, зданий и магистралей которого не мудрено заблудиться. Комбинат выключает в себя пять заводов. Чтобы познаться с ними, не хватит, пожалуй, целой недели.

На одном из них изготавливают авиационную санитру. В просторных залах в замесловотом слетении труб мерно гудит, подрагивая, машина. Вы видите таинственное царство металлических великанов, поднимаетесь по лестнице и попадаете в большой зал, посреди которого спокойно помингивает лампочками щит управления. Это мозг цеха. Неразрывно связан с станциями с аппаратами. «Нервы» несут к «мозгу» сигналы об «ощущениях» —

параметрах работы механизмов, эти же «нервы» передают обратно команды, регулирующие течение химических процессов.

А вот и командир этой техники — старший аппаратчик Нина Плотникова. Нина обслуживала раньше насосы. Теперь даже прозвонного ее рабочего места не существует: все оснащено автоматикой. Она стоит у пульта, записывает в журнал показания приборов, нажимает рычажками. Десятки механических глаз наблюдают за работой машин.

Нина Плотникова работает в смене Владимира Коваленко.

Все сына Владимира Коваленко поддержала почва своих земляков, решивших выполнить свиенное задание на час раньше срока. Они исполь-

зовали найденные резервы времени, и в конце года из ворот комбината вышел свердловский эшелон, груженный белыми, как иней, химикатами. Их селебра была признана по качеству лучшей в Союзе.

Свердловце — город больших заводов, но он чистый и светлый и чем-то напоминает подтнутого, аккуратно человека. Простые, очень несложной архитектуры дома создают аварельную гамму города. Серотолубые с белыми цоколем и наличником, темно-красовые, цвета морской воды, слоистой кости, они не ложком друг на друга, хотя собраны из одинаковых блоков. Уже давно поговаривали строители, что, кроме главного архитектора, в городе должен быть еще и главный художник. В Свердловце

Естественно, что тема современности останется главной в нашей работе и в будущем. Для нашего театра в близком творческом контакте с коллективом работают драматурги В. С. Розов, А. В. Софронов и многие другие. Одна из наших ближайших постановок — «На дне» берег по роману Бориса Пастернака.

И думаю, в любой современной пьесе так или иначе отражена проблема передачи известной эстафеты от старшего поколения младшему. Легко мысленно думать, что коюсть сама по себе может все. Если коюсть и способна на искусство, то только благодаря тому, что до нее была всякая отов. Только единичные поколения могут дать результаты, только сплочение народа в партии может обеспечить победу.

Владимир СОЛОВЬЕВ, писатель

— Видно, что уж в традиции интересно — называть прошедший год самым интересным, волнующим. Но лично для меня этот год и в самом деле был таковым. Много сделано, еще больше вичато и задумано.

Недавно закончил и сдал в издательство «Молодая гвардия» книгу рассказов «Снидания и письма гвардей» и книгу стихов, повестей, очерков, и поэтому работа в новом жанре была для меня впервые. Это — поэзия, мысль и волнующий, тем более что книга эта о юности, о любви, о родных местах. Вообще город, с родными местами у меня связано многое и в жизни и в творчестве. Обычно всякий год с весны и до поздней осени я пишу в родной деревне. Недавно съезжал, прошлым летом здесь были написаны рассказы «Варвара Павлова», «Сержантисвы рассказы», «Зимний день» и «Закон писателя».

Помимо литературной моей работы, в прошлом году пришлось побывать и в местах, во всех отношениях очень далеких от моих родных краев: в Англии и ФРГ. О поездке в ФРГ я уже писал в «Литературной газете». В Англии встречался с

Джеймсом Олибриджем, и это были очень содержательные встречи, во многом случаи, для меня. Мы много говорили о подобной охоте, спорили об абстракционизме, но я не считаю, что эти темы мы исчерпали целиком. В этом году Олибрид недавно приехал в Советский Союз, и надеюсь, на этот раз мы побеседуем более основательно.

Скоро выйдет в свет моя новая книга — «Волгарские записки». Это результат моих поездок туда в позавчерашнюю Москву. Особенно меня интересовали народные обычаи, фольклор — то, чего не узнаешь о них. По жанру книга представляется собой этнографические этюды.

Планы на будущее? Во всяком случае, на ближайшие будущие. Мыслью и мечтой, пожалуй, на Север — на Онегу, Печору, в Карелию. Вечет меня и эти места отнюдь не туристское любопытство. Того рода поездки совершенно бесполезны. Путешествовать по стране, изучая ее особенности, историю, быт, и учиться понимать свое Родную, свой народ. А наш Север особенно богат прекрасными национальными и культурными традициями.

Поездка, о которой я говорю, поможет в работе над давно задуманной книгой. Пока условно она называется «Почему мы должны верить патристичную культуру?». Вернее, такова ее тема. В этом же году хочу закончить новую повесть. О чем эта книга, пока секрет автора. И это — его право.

Юрий ВЫШНСКИЙ, инженер-исследователь

1968 год был для меня годом «Аппассионата». Много лет мечтал и создавать на экране образ Владимира Ильича Ленина. Каждое новое поколение будет расширять этот образ — по-своему, и для нашего поколения он останется современным, потому что мысли и дела Ленина общи нам и в наше время, в будущее.

Мы знаем, как глубоко понимал, ценил и любил Ленин искусство Максима Горького, Надежда Кон-

стантинова Крупская, Клара Цеткин и многие другие подтверждают это в своих воспоминаниях. Хотелось бы отметить, что отношение Ленина к искусству было глубоко партийным, но не имело никакого неприятия и идеологии буржуазии.

На встрече с одним из наших учебных заведений студенты-иностранцы спросили меня, почему я решил ставить фильм о Ленине. Вот что и ответил им.

— Когда меня принимали в инженера (я был это на Урале, в старом городе), мне дали задание изучить кино, где мы давали торжественное обозначение быт, верными людьми. Это событие не просто запомнилось, а стало для меня судьбой. Я тогда в звании инженера-электрика огромным смыслом, что оно очень важно и интересно. Я тогда в Ленинградском фронте, защищал город Ленин. Мои товарищи были в Ленинграде, а я в часе КПС — член партии Ленин.

И следовательно, фильм будет посвящен Ленину и революции.

25 октября (7 ноября) в 21 час 45 минут в капитальном здании Академии Аэрофлота был исторический приказ:

«Исполнить. Отныне!!!

С этого времени часы истории стали отсчитываться новое время.

Человеку, отдавшему прина, было всего 20 года. Неогорам казалось, что он слишком молодой для такой роли.

— Молодость и дана человеку для подвига, — молвила Яков Михайлович Свердлов, подписывая приказ о назначении заместителем Владимира Инисарова «Аэрофлота».

Следующий день фильма был написан мною вместе с Борисом Лареневым по мотивам его рассказа «Выстрел в Нева».

Мы хотели создать масштабный фильм, полный романтики и пафоса революции. Борис Андреевич Ларенев хранил эту эпоху не только в памяти, но и в сердце. До последних дней своей жизни героическое время. Он был лично знаком со всеми нашими героями, ему довелось много раз видеть и слышать Ленина, он встречался со Свердловым и другими участниками революции, хорошо знал комиссара «Аэрофлота» Велшера.

Скоро выйдут съемки. 1964 год станет для меня годом «Аппассионата».

ного дня! Главный архитектор города Николай Волга приглашает войти в один такой «будущий» дом. Цветные стены, носятся отсюда отсюда, с другой стороны обшивкой. Узорчатый глянец полов из стенопласта. Ни одной стенопластной трубки, ни винта, ни дюбеля. Нечему раскатыть, нигде не слышат краски. Стоят в углу устои, обшитые ономы, дверные ручки из стенопласта. И так далее. И так далее. А какая тут мебель! Легкая, прочная, изящная и дешевая. Она тоже из стенопластных материалов.

Вы думаете, это только экскурс в областную историю, его довольно много уже. Нет. Запад стенопластиков уже строится близ города. Первым стране он означает выдвигать массовую продукцию. Уже работает экспериментальный цех. Его управляют по светящемуся павильону на автобусной остановке, оборудованной на разноцветных полупрозрачных листах. Такие листы для обшивки стем, оформления балконов уже изготавливаются.

Интересные вещи покажут вам здесь: легчайший шифер, быстроточную моторную лодку, образцы мебели, небьющиеся ванны, умывальную раковину. — и все это сделано из стенопласта.

Но главную роль стенопластичности должны сыграть все-таки в быту, а в индустрии, на транспорте. Тут уже делают легкие, прочные, не подверженные коррозии вагоны для поездов для шахтеров, детали для теплообменников.

Северодонецк становится городом постоянного, универсальной промышленности, без его продукции не обходится ни одна отрасль народного хозяйства. Вот об этом и рассказывает фильм. Там — там химия, строители, ученые.

Вот об этом и рассказывает фильм. Там — там идут в обратном направлении: мимо строящегося дворца культуры, триэтажного парка, новой гостиницы. Они дробятся на ручейки, бегут и кидаются, клубятся, вылетают, бьются, тектат, магазин... Но и здесь трущиеся города не раздумывают со своими «экономиями». Линия напоминает о себе повсюду. Прошумит ли машина мощной грузовой — это северодонецкий индустриалитет пошел на изготовление для прочнейшего народа, а спит — на науку. Загорается экран, побегут кинокадры — это из их юности неслышно приготовлена цветная невоспламеняющаяся кинолента. Легкая ткань в витрине магазина — из ацетиленной шели.

Но всему причастны руни химия, развивается промышленность. Северодонецк. Раздвигаются границы повзбавля. Раздвигаются границы города. Города, созданного руками молодых строителей.

Луганская область.

Николай Волга, главный архитектор Северодонецка. После института он работал здесь мастером, потом профессором. По проекту молодого архитектора в городе построено кафе.

Молодые химики, окончившие Донецкий политехнический институт, считают, что им повелево: Личинский комбинат — отличная школа.

— Еще не знает, стесняться,— пояснила Нюра,— а так он ласковый, весь в меду...

Попытку Нюрино блага ангимала продовольственная лавка. Нюра отпускала ребятам продукты, а те сидывались по пятачку и платили ей, так как должность ее штатом не предусматривалась. Нюра помыкала, что платят ей слишком много. Но ребята только отмахивались: ты о хлопичне

подумай, ему то, св нужно, а нас та пятачка не распорт.

От тепла и домашней странги Витька расчувствовался, мучительно взгрустнул по дому. А Нюра все совала ему по маринированого хурису, то пирожки и понемногу выпитьвал: небось, прямо из школы уехал! И сама вперемежку с хозяйственной воркотней рассказала, как ушел от нее

муж к учительнице на тонких каблукках и как они с Сергуней остались ни при чем, потому что она и не расплывалась: разва бумажки человека уверяешь! Жучка далеко отсюда, под Паттыгорском. А враз собрался и уехал на Кольму. Здесь многие заглядываются, мужа найти не мудрено, а вот отца Сергуне — трудне.

— Ты заводи,— сказала Нюра на прощание и, помолчала, спросила: — А что, рыжий, Борис-то опять на Черный ушел! Горюшко мое, этот Черный ручей, будь он проклят!

Выйдя от Нюры, Витька решил взглянуть, что это за Черный ручей. Он шел минут десять. Сивера не ступилась, но видно было хорошо. Взабежал на невысокий пригорок, Витька замер. Внизу, недалеко от тамного грувничего ручья, как котич, там и здесь на короточках сидели люди. Времени они разгребались и сбегали к ручью с ведрами и чем-то длинным, напоминавшим платятельную ласту. «Лютки,— догадался Витька,— золотое мыло». Все-гда горели острыя подгорки вали воду. В синем воздухе растоярвался запах дыма с легкой примесью солиркия. Витька спустился и подошел к ближайшему кусту.

— Дермный участоке подсунили,— сказал черныш мужичонка, и Витька узнал Жучку,— сколько ни упирайся, на черный хлеб не вытнешь.

— Причудивайся,— сказал чей-то обиненный голос, сколько работала!

— Граммов десять,— осклбился Жучок.

Вокруг зашумели: лихо!

— Вот то-то, а я выбросил все,— сказал тот же обиненный голос,— один знаки, ногтем не поймаешь. А мучает оно, стерава, жужа водки!— весь взмок...

Кружок молчаливо раздвинулся, пропуская кого-то к огню. Это был Борис. Сзади грубых, обветренных физиономий он казался еще красивее.

— Ну, наловил золотой рыбки!

— Ни черта,— с досадой сказал Борис,— зря мезаки.— Он выткнул над огнем руки. Все кисти были в кровавых ссадинах.

Домой Витька пошел со своим соседями и взял у Жучки мешок с лотками.

— Ты вправду ничего не добыл! — спросил Жучок.

Борис достал из кармана холщовой мешочек и подобрал его на ладони.

— Матерь бонька, граммов пятнадцать!

— Замеч людей дразнить! — усмехнулся Борис.

— Жадничает, торопится! — вот и не получается. А тебе, Виктор, тоже надо учиться это же спорт, азарт! Называется комсомольский поход за золотом. За каждый грамм рубль с гаком. Зря такие деньги платить не будят.

Назавтра после работы Витька едва добрался до своей полки. И во сне ему все казалось, что едет он на бульдозере, а впереди обрив. Витька видит обрив, но мастер с курсов бульдозеристов кричит: «Езжай, салага, езжай, не то документ не выдади! В конце концов бульдозер все же сорвался вниз, и Витька, сваявшись в комок, шаркнулся в дверцу.

— Этак ты, парень, шею сломаешь! — Борис, смеясь, держал Витьку на руках. — Сжижи спасибо, что поймав. И вот что — одевайся, идем стараться!

Витька смертельно хотелось спать, и он обалдело и зло полез обратно к себе на вторую полку.

— Э, не пойдети! — Борис свернул его обратно. — Бульдозерист ты хороший, теперь сделаем из тебя старателя, мужични!

Жучок включил «Марш Черномора», и они вывалили из балка. Витьку трясло: настоящий мороз. При мысли, что нужно бродить в воде, сводило судоро.

— Уле понобежанки! — сплюнул Жучок. — Небось, и жрать не жрут. Давай, паря, за холмом пройдем, не то сейчас все за нами уваяются.

Они сделали солидный крюк и за обрывчиком спустились к ручью. У Витьки гулко забилось сердце. Жучок вытравил из мешка лотки.

— Бери вот этот, поглубже, да начала как раз,— сказал Борис.— Лопатой набребай песок и мой.

Витька весь облился и промок, но вода то упорно не желала усесться на лотка, то укатывала за собой аесь шини. Он давно уже сбросил ватник и остался в свитере, как и Борис: ему очень хотелось походить на Бориса. Порт звалыва глаза, руки тряслись от усталости и волнения. Но небыло из-под тонкого песка показывалось пустое дно. В голову мутился знакомый жар. Так бывало

с Витькой в детстве, когда тайком от матери он играл со взрослой шпателью в окошке на интерес.

— Да ты же кастриро мочью, байстрюк! Будет с тобой, слышь, уходить от голод Жуков! — Борька, ты грязь, как он его полощет! — И Жуков весь закляпалот и забубулил: он так смеялся.

— Брось, — сказал Борис, — ты сколько лет золотом мошан! Лет двадцать уже ешь! То-то. — Она высунула отмычку золота в мешочек, набрал лоток и поддал Витьку: «Смотри!» Вода тихо покачивалась, как бы балансуя в деревянном лотке, и, сливаясь песком, ускользала в землекоп, становясь все тоньше и тоньше, песок как бы таял на глазах.

— Золото! — воскликнул Витька. — Ты выльешь его!

Но Борис хотел палачами вымудить златый кусочек, но Борис оставил его руку: «Поломаю, никуда оно не денется!» И продолжал баянот лоток до тех пор, пока не сгреб в его пятку желтую кучку металлических крупинок.

— Я так никогда не сумею, — с отчаянием сказал Витька.

— Эх ты, валим! — сказал Жуков. — «Не сумею-я!» А ты сумею...

Но в следующий день Витька прокусил сам и, хотя от работы на бульдозере здорово помало поспуину, поднял все.

— А ну, айд стараться!

— В тот вечер в его лотке впервые мелькнули тусклые золотые бланки.

— Золото! — завопил Витька и помчался, хрюстя галлюкой, к Борису. — Золото!

— Выпелси, — сказал Борис, — это только зеники. Ну, когда оменя милое золото.

— Но Витька все-таки собрал искристые чешуйки.

— И тебя Черный ручей окколовал? — спросила его как-то Нюра, и глаза у нее стали грустными.

— Даношь вам это золото. Корень с Мишкой оно подрыл на-за места у ручья... «Бушча приходи вечером, Сергуна про теб спрашивал.

Витька в тот вечер к ней не пошел, не пошел и не следующий и вообще, покажу, не пошел бы, если б Нюра не пришла за ним.

— Витька пошел к Борису, а Нюра засуетилась, обманула врандином табуретку, зачем-то побегала в санки. Они поехали втроем, поехали чок. И Витька жутко бо смотреть, какие большие и нежные были у Нюры глаза.

— Так я, пожалуй, пойду. Треть лишний! — вдруг усмехнулся Борис и стал вытираться из-за стола.

Нюра опустила глаза и катала из хлеба шарик.

— И я пойду, — сказал Витька, — поздно.

Он поторчался и пошел на крыльцо — подожждать Борису. Но тот так и не вышел.

В середине лета на Черный приехал крупный начальник из совнархоза. В бригадирском белее его наполнил чаем с вареном, Нюра пригнала румяных кремдечков. День был сияний и такой ясный, что все казалось красивым, даже Черный.

Начальник похвалил участок за выполнение плана и хорошо лоточному добучу.

— Хороший поход за золотом — это очень важно на сегодняшний день. И полные ребята больше трескали друг друга между лопаток: видал, герои мы — во как! Среди лоточных бригадир называл Афанасьева. Он работал в параша смеше.

— За ним послали, но он не пошел: работа есть.

Нюра по этому поводу сказала:

— Борька свое дело знает. Тутто. Плата сделаная, а кто ему заплаит за простот!

— Одиакды Витька пропусуа оттого, что кто-то с грохотом разбирает крышу. За одним смачно шавало, Жуков с тазиком.

— Да, да, да! Ставля звонкую струнку, навзвешиву с потолка. Грозай Витька любил грозу.

— Трах-тар-ра-ра! Имяната заливала аэвртопорочным светом.

— Это торпестравлене! — причитал Жуков.

— Гроза на Кольмае! Ах ты, матерь божья, опять треснула!

Витьке было приятно, что вечером, хочешь не хочешь, придется остаться дома, и можно пригласить Нюру и запустить радиолю.

— По правде говоря, он вконец измотался за эти недели. Он и клепан носком в своем бульдозере, и его сто шестидесяти процентов благополучно золотом не сто двадцать. А ночью — лоток.

Иногда Витьке все было противно до тошноты. Спалась. Вот Борис — тот настоящий мужчина.

— Сам Джек миль золотом олоко, пски Клондайк и Юкона, — зяпел Борис. В песенке говорили, что у же если сам Лондон не бразоговал золото, в чистку личной намыли, то и сам бог велит: ведь оно амот золото не для себя. Филатовский свет молнии на секунду залил лицо Бориса, он не замкнурился.

— Как Виктор, спит Вита, ты спишь? — спросил Борис.

Витька притворился спящим: спит будет.

— Спит! — сказал Жуков. — А ты что, никак погулять решил! Но вчерашнюю мстечку!

— Пока они собирались, Витька не релался пошевельиться. Почему-то стыдно было дать знать, что он не спит. Когда они собрались? Неужели на полоник! Но полагали! Там раз плюнуть! — и двести граммов. У Витьки замолки виски: ведь это же — воростай! Нет, Борис не пойдет на восторство.

Промучившись часа лоток, Витька все-таки не вытерпел, пошел бродить под дождем. Когда он вернулся, Борис и Жуков уже были дома. Печка раскалилась, дровянка. На веревке сушилось все их барахло.

— Тоже прогуляться захотел! — поинтересовался Жуков.

— Нагибасы, что-то ставшь спалоти, Витька заметил, что на мешке торчит лоток Борису. Ему показало, что лоток мокрый.

Борис отступил и извлек бутылку пердочки и портвейн. После длительного поста их быстро разливаю. Они сидели красные, ослосоверя и говорили все разом.

— Раньше была зятюшка, — кричал Жуков, — на лошадку да по пайте — один! Жинку нашел — бери, вилка!

— И глаза у него наворачивались слезы. «Какой я подлец, — думал Витька, — я ведь их подозревал...»

— Слушай, Борь, — сказал он, чувствуя, как голос дрожит от умиления. — Борь, ты послушай, а же думал... Я знаешь, что думал... Борь, ты послушай, черт, забл... Нет, я думал, вы на полонце золото миль лотком. Ударь меня, Борька, а? Я и как вареном посчитаю...

Борис с Жуковым ознакомились. И Витька смеялся и просил его ударить. Потом он погрузился и сказал:

— Борь, ты когда на Нюре женишься, Сергуна не обижай.

— Откуда ты взял! — удивился Борис. — Откуда ты взял, что... что я на Нюре женился? Она баба, а я врач. У меня образование высшее, я в Москве институт окончил.

— Как врач! — спросил Витька и засмеялся. — Ну, уморил — врач! Да ты знаешь — врач, он людой лечит. Он бо!

Витька пытался это больше объяснить. Но язык не такую чушь, что все было обидно на непонятно.

— Ты не смеяся, — сказал Витька, — но ты не знаешь... Врач — это бог, а мы что!

— Заменял ты, пара — вздохнул Витька. — Бог-то такой лоточник, скавал получе... Сергуна ищет верных четьре. Вот и решаи, ты бог.

После грозовой ночи прошло с неделю. Витька, ошавет от бессонницы, повредил себе руку на бульдозере в сиденья дома. Вдруг ударь распухлая и бжекала Нюра. Витька вскочил, потому что никогда не видел ее такой. По ее лицу волнами пробегала малкая дрожь.

— Сергуна, — силась проглотить раздвиривший ей горло комок, сказала она. — Сергуна умирает... И повалился на нарз без слез, все так же дрожа всем телом.

И тогда Витька вспомнил. И побоялся. Он бежал, проваливаясь в моруру галку и обиваясь, потом. Он бежал, вспомяя кого-то, чтоб мальшона немножко потерял, не умрел. Добежав до

ручья, он не удержался и покотился, гремя кадушкой, вниз по склону. В бок что-то больно сдавило. Ладони горели, как обожженные.

А, и ты пришел! — скорговорной скавал Борис, отрывая глаз от лотка. — Золото, поймаешь, пошло...

— Слушай, Борь, — с трудом выдохнул Витька, — ты не заливай тогда! Ты врач!

— А зря, зря, зря! — сказал Борис.

— Тогда идем! Сергуна заболела...

Он потянул у Бориса лоток, лоток вырвался и опрокинулся на галку.

— Ну ты, гад! — Бориса подбросило, будто в нем раскочерилась стальная рессорка.

Витька невольно отшатнулся.

— Да ты что, Борька, не слышишь! У Нюры сын заболел, бежики!

Витька выскочил и стал сгребать в лоток выпелнутый ших.

— Сергуна заболел, — дрожа губами, прошептал Витька. — Ты же врач, ты говоришь...

— Мил ты к... не естественно сплюшкой скавал Борис. — Я не врач, я золотник.

И он побоялся к ручью, куда, тяжело дыша, бежали его двое старателей.

— Ты врач! — зявал Витька и на бегу свалтил Борису за рукав. — Ты пойдешь, понал, свалоч! Ты пойдешь!

Борис резко оттолкнул его, и Витька, потеряв равновесие, ввяхнул руками в галку. Секунду он стоял там, на четвереньках, задыхаясь от ярости и стыда. Лоток поднялся и, не отглядываясь, побжал обратно. «Гадина, гадина, гадина!» — шептал он на бегу. Сердце душно колотилось в горле. «Ну подожди, гадина!»

До телефона от ручья было километра два с половиной. Витька бежал, разбрызгивая лужи, падал, свалился на отвалы, и снова бежал, чувствуя, как едок шиплет глаза не то пот, не то яростные слезы.

В «Аленушке» дождь ничего не могли посты (грозовой где-то повредило радио), ругались, потом наконец сказали, что фельдшер уехал на Зимний и будет только завтра.

На завтра за Сергуной пришел «кряб» Федюшка, единственного водителя, который мог после дождей добраться на Черный. Федюшкин был весь в грязи, дабы на щеках засохла грязь. Но машину он все-таки привел.

В районной больнице Витька сидел рядом с Нюрой на жестком диванчике, лязгающем уколами, и придерживал ее за плечи. Она вспыхивала без слез, не открывая глаз. Сестра влила Нюре смеше сматые губы что-то пламече, Нюра обмыла и, казалося, уснула. Сестра принесла резиновую подушку и, все так же безмолвно показав Витьке, чтоб он встал и дал Нюру лечь, слунула ей подушку под голову. Нюра засомала и затила. Часа через полтора вышла врач, принимавшая Сергуно, посмотрела на Витьку измученными глазами и сердито сказала:

— Э-эх, ридити, что же раньше не привезли!

— Не может быть! — одними губами скавал Витька.

— Что не может быть? — громо скавала врач. — Все может быть! Да вы... вы что? Как вам не стыдно! Де жив, жие ваш мальш...

Витька не слышал последних слов. Он выскочил во двор и подставил лицо колючему от холода ветру.

Вечером на полном самовале он добрался до стражи, протопал двадцать километров до Черного и, не заходя домой, пошел к ручью.

Видно, — скавал Булгин, поднимаясь и поправляя ремеш, — оставайся пока, Бобров, и работай. На днях будет суд.

— Я свое мнение скажу... А лоток зяпер...

— И шай! К черту!

По дороге Кольмае был объявлен поход за вопонпринимательского золота. Об этом писали газеты, за это боролись райкомы комсомолов. Булгин знал, что завтра ему будут звонить из райкома, совнархоза, обкомса: спрячте лопат, будете отвечать. Возможно, симулу. Но все, на свое слово скавал.

МЕНЯ ПОШЕЛ ОЛЬГА

Эти письма очень дороги мне. Для каждого, кто их прочтет, они откроют новую, пусть маленькую страничку нашей истории. Многие познают героическую эпоху Великой Отечественной войны через историю одной судьбы.

В сущности, наслех написанных строчках сплетается трагическое и повествовательное, трагическое и героическое. И встает за ними обыкновенный человек, которого необыкновенное время сделало героем — военного летчика Александра Герасимовича Батурина.

19 июня 1939 г.
Здравствуй, мамаш!
Мину по-старому. Получил от Вани (это же немская часть) разговор ссорозерования — слушать отгадно. Сегодня в восемь, как и в Елань. Мама, дело вот в чем. Мне слушать два года. После этого — идти в грандиозный банк — мне предоставляется возможность после двух лет службы остаться на шестнадцать месяцев и в буду летчиком — лейтенантом морской авиации ВВС РККА.

И хотя мне так сделать, но все связано с Ниной. Прогрессирует ли она с ребятами это время? Ей будет трудно без меня. Я прошу тебе поговорить с ней и с папой, и сама получай, а если ты не сможешь, то ищи в трудные для нее моменты.

Напиши мне свое окончательное решение.

Твой Шура.

Ты ведь девять-тридцать десятый год, Александр Батурин выбирает себе не на всю жизнь профессию воина. В Елань и его не пойдешь.

Передо мной письмо, отправленное на Талина.

3 мая 1941 года.
Здравствуй, мамаш!
«Время, мам, сказать, идет быстро. В Елань».

Месца через 3-4 приеду в отпуски. Никем мы так «Сегодня здесь, а завтра там» как не прыгает в морской пехоте. Где это «там», сейчас еще трудно сказать. Во всяком случае, БУДЕМ ТАМ, где НУЖНО.

Я никак задумывался вот я истребитель, полковник СВЕГО века проил, а как маме видел. А мне уже ни мало ни много — двадцать семь. Хочется прожить хотя бы еще лет двадцать.

Дорогие мои старики! Когда же я поеду, мам, вы будете на, со мной? Наверное, когда-то и будет своего дома. Ну, да черт с ним.

Ваш Шура.

Он мечтал о счастливом доме и горю, и том, что маме и мало сделал. Собирався в отпуски, хотел пойти и к маме, но началась война. Вот оно, письмо, на котором стоит черная дата.

22 июня 1941 года.
Мамаш, ты Никуся и Соколята — меня и Славику
Испугали до войны с Германией, слышали по радио. Я тебя прошу, Никуся, не волнуйся за меня. Я, конечно, буду уеду туда, где мои товарищи сражаются с фашистами. Соперники мои — это немцы, а не враги «стребков», только уже не на веревку, а будут стрелять по врагам твоим и моим.

Во мне немощь была уверена, и вы, дорогие Соколята, что и не предвду вас.

Твой Шура.

«Ленинград, 3 июля 1941 года. В дороге Соколята, а ты и предвду нас».

В этот день, в той, как ты знаешь нужно очень крепко. Ты это знаешь в двадцатых годах. Ты не понадеялся на твоих миных, доверяешь им глаза. Савасам не поможем, но мы мужественно парнишки стреляем войной.

И ты, мамаш, и Славику Вам пишет папа. Он будет счастливы, чтобы они не мешали мам жить. Слушайтесь и мамашу.

(История одной судьбы, рассказанная в письмах)

лется мама. Как разобьем фашистов, папа придет домой. Я приведу вам детей, волонтер и Славику.

Мамочка, учись писать, чтобы сам писал папе письма. Гаршик, наши сабли остры и рубят фашистов.

До свидания, мой дорогой Соколята. Крепко целую. Ваш папашка.

о себе Батурин пишет мало, зато в его письмах оживают друзья-летчики, боевые побратимы.

«Ты знаешь, Никуся, нашего капитана! Он смеял идти вперед, а за ним и мы. С ним летать просто, хорошо, даже не обращаешь внимания на то, что по тебе стреляют из орудий и пулеметов».

5 августа 1941 года.
Здравствуй, дорогая Никуся!
Получил твои дорогие Соколята. Нику по-старому, так же крепко колотим врагов.

Недавно Милякин Борис сбил стрелочника — бомбардировщик «Ю-86». Мамаш и Червячок сбили разведчика. Сегодня уран Пушкин сбил бомбардировщик. И у нас почти ежедневно. И будем гнать этих гадов, пока не уничтожим совсем.

А пока я нужен ДЗС. Я на, савасам, только я всегда догаду о тебе, вспоминая проведенные вместе с тобой дни.

Знаю, ты меня слушаешь обо мне. Но ведь сейчас ВРЕМЯ ТАКОЕ. Вот уничтожить фашистскую баню, тогда ничто нам с тобой не помешает. А пока я нужен ДЗС. Я на, савасам, отомщу за все: за наше обреченное счастье, за разлуку, за миллионы людей, у которых они хотят отнять счастье, за гибель моих лучших друзей — боевых летчиков.

Прости, заканчиваю писать: сейчас вылет.

Твой Шура.

1942-й. У Александра Батурина жизнь «нормальная. Воюю неплохо. За хорошую работу получил от правительства 3 ордена Красного Знамени. За это время я сбил 3 стрелочника».

Этe не считал, сколько я этих гадов сбил, сколько я их сжег. В общем, сейчас я здесь на фронте не на последний счет...

А делю в это, на затерянных в двадцатых просторах станицах Мертвых, но слухом гостриковой жизни поведялся на свет маленькая Синичка. Дали ей имя некое, как первый снег. — Светлана. Первый улетела, летала май и достигла 10 месяцев, датированной 31 января 1942 года.

17 февраля 1942 года.
Здравствуй, папа, мама, Маня и Люд!
Все хорошо, воюем крепко. Должен сказать, что война — это не футбольная игра. Враг хитер и коварен. Но мы, летчики-батуинцы, не дадим пощадить уничтожонку везеде, где бы он ни попытался.

Папа, ты вряд ли найдешь в центральных газетах что-нибудь обо мне. Понимаю, тебе хочется узнать, как твой сын воюет. Поэтому посылаю вырезки из наших газет, которые ты прочтешь.

Однажды, папа, знай, что твой сын — большевик, любящий мир, как и свою Родину так же, как и тебя с мамой. И если погибну, то так, как подобает большевичку. Давно я свою жизнь не отдам — и до последнего вздоха буду уничтожать фашистских гадов.

Мама, обо мне не беспокойся, как о моих братьях. Мы будем достойными сыновьями твоему и нашей страны. ЖДУ МЫ ВЕРНЕМСЯ С ПОВЕДОМ. Чувствую себя я хорошо, только глаза болели, и, кроме того, в переносные очки, и это очень трудно, но все же надо авовать. И я, имея полтора ока, сбил уже 3 стрелочника. Ну, а летчик глаза буду после войны.

Ваш Шура.

26 апреля 1942 года.
Здравствуй, дорогая Никуся!
Я тебе и здрова, что и тебе желаю, мой родной. Получел Соколят и Синичку.

Новостей особых нет, кроме того, что, черта поторопил, мамаш, в воскресенье «Месершмиттаны-109». Вой был короткий, но продолжался более 45 минут. В результате мы сбил 7 гадов, стрелочника и вернулись домой.

А скоро приеду. Вот уничтожим фашистов и будем везеде. Дети светлые хороще, что не был залован в плен. Имя-то был дисциплинированным, а Славику тот озорник. Ну, а Синичка еще не знаю никак. Пошелю их всех крепко.

Твой Шура.

23 июня 1942 года. На боевом счету Александра Батурина — 29 сбивших самолетов врага.

«Сейчас я здесь на фронте не на последний бой вылет. Самолет в огнегном, смертельном юмке. Цепкие шушпальки бомбометной системы гвава. Семья опенитываются зенитными троясками. И воздушный бой продолжается. Этот од и выполнит задание. А вот как об этом в письмах: «Работа моя маленькая. Правда, душа у меня стала крепкая, как камень, и на задание — с собой еду. Но после — грущу, был бы затилком».

12 февраля 1943 года.
Милая моя Никуся!
После каждого случая: мы истребом явил бой с восемнадцатью фашистами. Мыслили, что сбивают летчик Могобери, заметил, как по мне стартуют, подставил свой самолет под огонь. Сам Могобери и пришел на аэродром. Вот маме у нас летчик...
Твой Шура.

Во вторую годовщину начала войны — 22 июня 1943 года — Александр Батурин сбил двадцать второй самолет. Теперь он был уже командиром эскадрильи, которую он начал службу радодым летчиком.

7 марта 1944 года.
Милая моя, дорогая Никуся! Пишет тебе твой папу Шура. Я нахожусь там, куда ты пришла, но не дошел до войны. Здесь все разрушено, деревня нет, остались одни развалины. Где ты была, где твои друзья...
Напиши мне, как хлопцы и Светлана...

Хорошо, если бы ты прислала их фотографии.
Твой любящий Шура.

6 апреля 1944 г.
Милая Никуся!
О тебе пишу ничего, посылаю вырезки из газет, чтобы ты знала, писавая, было 2-го числа, а вчера, то было 1-го числа. И ты знаешь, мамаш, дело в том, что 4 апреля я с Мишей Могобери и вт бой сбивает шестнадцать фашистов. Имя-то был Могобери. Сам я тоже наран в голову и под падытой машиной долету до дома.

Вот папа и все. Поцелую Соколят и Синичку.
Твой Шура.

Соколята и Синичка, если бы прочитаете эти строки, вспомните Михаила Могобери. Однажды он телом своим прикрыл нашего отпа и пынул. Потом смерть нашла его, чтобы сделать бессмертным.

А вот последние письма Александра Батурина, посланные из павчи, которую попал в мою родину. Розовая почта была открыта. Дата в штампеле не совсем разборчива.

«Антибонская область, ст. Мартусь Советская, 34, Батурин, Евгение Александровичу».

Здравствуй, дорогой мой Мишенька! Я полон радости, что ты жив. Мама на тебе опирается, что ее не оставили. Ты жив, здоров, это для меня здорово, летать можно быть фашистом. Как здорово, что ты прилеву за маму. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно.

«Антибонская область, ст. Мартусь Советская, 34, Батурин, Евгение Александровичу».

Здравствуй, дорогой мой Мишенька! Я полон радости, что ты жив. Мама на тебе опирается, что ее не оставили. Ты жив, здоров, это для меня здорово, летать можно быть фашистом. Как здорово, что ты прилеву за маму. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно.

«Антибонская область, ст. Мартусь Советская, 34, Батурин, Евгение Александровичу».

Здравствуй, дорогой мой Мишенька! Я полон радости, что ты жив. Мама на тебе опирается, что ее не оставили. Ты жив, здоров, это для меня здорово, летать можно быть фашистом. Как здорово, что ты прилеву за маму. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно.

«Антибонская область, ст. Мартусь Советская, 34, Батурин, Евгение Александровичу».

Здравствуй, дорогой мой Мишенька! Я полон радости, что ты жив. Мама на тебе опирается, что ее не оставили. Ты жив, здоров, это для меня здорово, летать можно быть фашистом. Как здорово, что ты прилеву за маму. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно.

«Антибонская область, ст. Мартусь Советская, 34, Батурин, Евгение Александровичу».

Здравствуй, дорогой мой Мишенька! Я полон радости, что ты жив. Мама на тебе опирается, что ее не оставили. Ты жив, здоров, это для меня здорово, летать можно быть фашистом. Как здорово, что ты прилеву за маму. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно.

«Антибонская область, ст. Мартусь Советская, 34, Батурин, Евгение Александровичу».

Здравствуй, дорогой мой Мишенька! Я полон радости, что ты жив. Мама на тебе опирается, что ее не оставили. Ты жив, здоров, это для меня здорово, летать можно быть фашистом. Как здорово, что ты прилеву за маму. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно.

«Антибонская область, ст. Мартусь Советская, 34, Батурин, Евгение Александровичу».

Здравствуй, дорогой мой Мишенька! Я полон радости, что ты жив. Мама на тебе опирается, что ее не оставили. Ты жив, здоров, это для меня здорово, летать можно быть фашистом. Как здорово, что ты прилеву за маму. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно. Ты жив, здоров, это для мамы очень важно.

Г. БРЕГИН

Недавно два дочерних шахтера, АЛЕКСАНДР КОВЫЛЬНИКОВ и КУЗЬМА СЕВЕРИНОВ, совершили поездку по Соединенным Штатам Америки. Наш корреспондент попросил их поделиться своими впечатлениями с читателями «Смены».

— Прежде всего не могли бы вы дать общую оценку поездке в двух словах: доволеоторопны вы во шаш нет?

К. СЕВЕРИНОВ. Если можно в четырех словах, и да и нет.

— Тогда подробнее...

К. СЕВЕРИНОВ. Видите ли, поездка, несомненно, была интересной и полезной. За месяц мы побывали во многих городах США, часто встречались с учащейся и студенческой молодежью, беседовали с видными государственными деятелями, познкомились с историческими и культурными памятниками страны. Я не знаю, сколько музеев мы посетили — около сотни, наверное, и, конечно, в каждом музее есть что-то интересное. Даже если это музей абстрактной живописи — хоть поспешите от души. И если бы мы были просто туристами... Но мы считали себя командированными. Нам командировали нашу землю — шахтеры. Когда мы узнали, ои поговорили нам: «Саша, Кузьма, будьте там, за океаном, первым делом встретитесь с американскими шахтерами, передайте им наш горняцкий привет и поговорите с ними, что узнаете, по душе: как они живут, о чем думают, расскажите о нашей жизни».

Потому, нам только мы ступили на американскую землю, сразу же появились организаторы поездки, устроили нам встречу с шахтерами. Они обещали, но обещания своего не сдержали.

«Безработная молодежь загрохала улицы американских городов. Ба будущее беспросветное... Сейчас около миллиона молодых людей не имеют работы. Большинство из них было вынуждено бросить школу до окончания учебы. Они спешат браться только за работу». Профсоюзных лидеров у них нет. Два с половиной миллиона из 10 миллионов 800 тысяч учащихся старших классов выжидают покуда не бросят учебу. В ближайшие годы число неудачников возрастет до семи с половиной миллионов... Одна главная опасность — наступит эпоха отчаяния: как все это пережить, пережить? Бойтевойши из стран мира?»

И в ситках: восемнадцатилетний Чад Парри из города Толедо (штат Огайо) в Юро по безработице. Надежды утратившихся мизеры».

«Лук»

А. КОВЫЛЬНИКОВ. Надо сказать, что уголь мы все же видели. В Филадельфии, в музее, под стеклом. Нелюдой вроде уголь. Я еще спросил у гида: издалена, мол, привезли? Нет, отвечает: поближе к его добывают, или сто отсюда. Это ж на машине полтора часа. Хотели мы с Кузьмой на такси выехать, да первоначаль наши сплосжились: никак нельзя, мол, программу поехать — завтра съездили. А завтра тут же разговор.

— Чем, по-вашему, вызвано подобное ограничение маршрута?

К. СЕВЕРИНОВ. Ну, здесь двух мнений быть не может. Страхов. Борются они: поделить, как живут американские горняки. И недаром борются. Как раз в день нашего приезда в газетках появились странные письма американского писателя Эрисина Кондулла президенту США. Он писал о невыносимых условиях жизни шахтеров, об ужасающей безработице в горняцких районах. И в том самом районе, о котором мы были... Как же он назывался? У меня где-то записано... Саша, ты не помнишь?

А. КОВЫЛЬНИКОВ. Кажется, Пенн-сик. Индейское название.

К. СЕВЕРИНОВ. Так вот, в этом районе, где, кстати, добывают треть всего угля США, из каждых шести шахтеров имеют работу лишь один. Остальные уволены после десяти — пятнадцати лет, проведенных в забое. У этих людей больше семьи и нет другой специальности. Куда им деться? Чем кормить детей? Послать нищен-

ские, пенсии не выплачивают, шахтерские больницы закрывают.

А. КОВЫЛЬНИКОВ. У меня в блокаде записаны слова одного тамошнего шахтера. Я и ним, к сожалению не встречались. Это тоже из газеты. Послушайте: «Я работаю в шахте десять лет, и все эти годы я присылался по ночам от одного и того же кошмара. Мне снится, что меня уволили вместе с другим, потому что хозяин купил угольный комбайн. У меня четверо детей. Я приношу домой совсем немного денег. Мы бедноно умеем жить с голоду. Зато комбайн процветает. Так дальше продолжаться не может. Мы требуем нового контракта, мы хотим, чтобы нам вернули больницы, вернули право на пенсию».

«Каждый год мы теряем более одного миллиона реент. Как в свое время мы хищнически растрачивали природный газ, леса, плодородные земли, так сегодня мы работоряем значительное ценное естественное богатство — творческие возможности молодых умов и мускулов, создавая полную силу молодого поколения и молодых женщин. Мы теряем их потому, что не можем обеспечить молодым людям образование и не можем дать им работу».

«Стардней винник пост»

Как же капиталисты могут допустить, чтобы вот такой парень встретился с советскими шахтерами, услыхал от них правду о жизни горняков Донбасса? Вы заметили, здесь шахт все валит на автоматизацию. Всею винов, дескать, угольный комбайн, там у нас в Донбассе уже забыли, как без комбайна рубать, а разве найдешь хоть одного безработца шахтера? Да маорот! Я-то сам потстоенный шахтер, у меня и отец на том же шахте работал, а вот Кузьма он из промышленной области приехал. По комсомольским путям. И сразу же за комбайн. Вот они, два сына. Не автоматизация, а капитализм душит американских шахтеров. И если устроили нашей поездке бойлс, что мы американских шахтеров будем за коммунизм агитировать, то зря бойлс. Их агитировать не нужно. Потому как капитализм у них вот здесь, на горбу сидит.

— Выходит, с рабочей и безработной Америкой как встретиться помешало?

К. СЕВЕРИНОВ. Мешали. Но совсем помешать невозможно. Состоялись встречи, поехали в четыре города на рассканию. Первая — в Детройте, в штате Огайо, на заводе текстильного машиностроения. Там по заводской чухе ли не в автобусе возили. Тем, кто стреловал от станка к станку, как по конвейеру. Но аргут в этом

семьдесят долларов. Знаете, после этого случая у меня интерес и разный официальный курсом незначительно ослаб. Какой момент откровенный разговор получился, если рабочий больше знает, чем то, что его валют? А безработцы, ваит, хуже смерти. Это нужно видеть. Помните, Саша, первый день в Нью-Йорке? Никогда не забуду. Представляете задвину много-то тяжелого, мрачного здания. Вдоль ступи стены Бумажки кули с мусором, помойка. И около десятка людей старательно — нет, не мадно, не лично, а именно старательно, обстоятельно — роются в отбросах, выискивая что-нибудь съестное. Первое впечатление такое, что они работают. Зрелище невыносимо тягостное. Я знаю, не мы первые видели такое. Но мы лично видели впервые. И я не могу в этот момент рассказывать. Не могу и забыть».

А. КОВЫЛЬНИКОВ. А я еще не могу забыть Вашингтон. Тамошних безработных. Оное гостиницы в которой мы остановились, строили много-то здания. Идеи ли мы встретились, возвращаемся ли — все проходим мимо забора, ограждающего стройку. На второй день или на третий намечали нам заметить, что на один и те же мосты покатываются четыре-пять автобусов, прислонясь к забору, и сегодня. Не помню, как это, кажется. Ами, я знаю, что вы, Саша, спрашиваете их: чего, мол, ждете? Они наверх, на леса, подвизываясь, разгортываются, и нам, признаться, нужно стало. Идут эти

также извещают об источнике запутанной информации: «У нас свобода печати», — ответил Николетти.

К. СЕВЕРИНОВ. Через несколько дней в Вашингтоне мы стали свидетелями омерзительного зрелища. У стен Белого дома маршировали фашисты. Впервые в истории увидела на фотографии, а затем паучью сластку. Мне стало очевидно, что произошло. «Как же вы это допускаете?» — спросил я. Ответ: «У нас свобода выступления». Странно, если сказать хуже, смысл вкладывает иногда американцы в слово «свобода».

— Наша беседа подходит к концу. Пожалуй, кто-то захочет невольно рассказать обо всем увиденном и услышанном за последние несколько лет. Вы много времени уделяли осмотру выставок, музеям, зданиям. Можете быть, вы сможете несколько слов о своих впечатлениях от этих экскурсий?

А. КОВЫЛЬНИКОВ. Мы действительно немало часов провели в различных музейных залах. Это были одновременно и приятные и горькие часы. Многие исторические экспозиции возвращают нас героической эпохе войны за независимость и событиями гражданской войны. Мы особенно гордимся тем, что всегда приятно побывать в местах, связанных с историческими сравнениями, увидеть реликвины борьбы за свободу. Горько же становится от того, что все это — в далеком прошлом, что наследие борьбы за свободу безразлично растрачено на мью-ниорской бирже, ставшей главной «эпохотемой» сегодняшней Америки. Приятно было увидеть в Филадельфии «Индепенденс холл» — знаменитый залом свободной союзов, бывший почти два века назад собором независимой колонии свободной борьбы против английской короны. Расквитаться год набата донесла тогда и до России. Многого здесь вы не сделали еще от притязаний вой. Горько же становится от того, что это государство данно умом. Он треснул. Об этом свидетельствуют события, и несколько вспомню каждый раз, когда пытаюсь суинувать свои впечатления. Американцы свобода, употребная в музей. Свобода, которую мы назвали «демократией».

Там же, в Филадельфии, нам показывали другой исторический памятник — музей «Оливин». Мы пытались уверить нас, что это разбойничья пещера, так же как и в Канаде, нам советским людям — ирейсер «Аврора». Мы не поверили коммунистическому объяснению. Чем в конце прошлого века произошел изев оружий началась истолкования свободы. Американцы, США присутствия и колонизация грабежом. Началась эпоха империализма, высидер десант авантюристов в Мурманске. Как мне можно гордиться подобной судимой? Но одно верно. Если империализм Америки нужен папантина, то «Оливин» вполне подходит для этой «заблудной роли».

К. СЕВЕРИНОВ. Вы согласен с Сашей: горько видеть некоторые исторические памятники в США. В Вашингтоне в здании Национального архива, нас провели в зал, где хранятся священные для каждого американца реликвии. Оригинальные записки Виллы о правах человека, Декларация независимости и конституция. Сопровождающий нас глас был необычайно интересен. Но он ни слова не сказал о значении этих документов в сегодняшней Америке. Зато он хвастливо рассказал, что стейкларный лагерь, в котором жили рабские, находится там. Мы спросили, что каждый вечер специальный управленец заводит в этот лагерь, переносит лагерь в надменные бомбоубойные и бомбоубойные в гелевом копилке, которые идут далеко не все рабские, которых не устраивает, рошно знает, что написано в этом Виллы о правах. Ответ: «Нет, не девялятся, что в этом документе записано, а в конституции». Мы спросили, а образование, и участие в управлении страной. Обещания, но не гарантируем, еще у нас. Мы спросили, что пинный американец считает надеждой на будущее своей страны. Ответ: «У кого деньги, у того и права». А услышав про Виллу о правах, пожалуя, спросит: «Интересно, а на какую сумму вы застрахованы?»

9 марта — 150 лет со дня рождения Т. Г. ШЕВЧЕНКО

В дни юбилея Тараса Шевченко хочется рассказать о том, как выходящих деятелях русской культуры чтили папуть украинского ботаника.

После смерти Т. Г. Шевченко на могилу поэта пришли полицейские наряды. Царизм хотел, что бы и могилу певца свободы и братства народов навсегда заросла тропель. Но вот что писали об этом времени выходящих русский писатель Н. С. Лесков в очерке «Обычаи та Тарасова могилы!»:

«Я бывалю в Каневе почти каждый год. Могила посещается постоянно. Простые души, которые так понимал и горячо любил Шевченко, влекутся сюда неодолимою потребностью».

В 1894 году представители украинской интеллигенции обратились к И. Е. Репину с просьбой написать портрет юбара для будущего шевченковского музея. Вильнижмисел сразу же откликнулся на эту просьбу. Он внимательно изучал материалы, расспрашивал близких знакомых поэта, интересовался всеми деталями его жизни и творчества. Вскоре портрет был закончен, но, посылая его на рассмотрение кисти прославленного мастера, оригинал решил пока оставить в Петербурге, а для Канева сделать копию. Эту задачу выполнил лучший столярный копист К. И. Мясленников.

В 1895 году в Канев приехал

Иллюстрации П. БУНИНА к стихотворению Т. Г. Шевченко.

русский писатель-революционер О. Мучетт. Автор песни «Заученный тыялою новелю» впоследствии вспоминал: «У нас нет других поэтов, только могилы... Много дурих вождей было у нас, много великих поэтов, умов, подвижников, но на долю их святых могил не выпало поща того, что выпало на долю этой. Там она — предмет национальной гордости и славы, почти неслыханно, и особенно молодень, чиняющая у могилы стихи юбаря, создавала миллионы, что здесь «никогда, да, мне нико, он, этот вечный неузнаваемый старий юбаря».

Интереса значительная часть очерка, в которой Златовратский сравнивает Шевченко с одним русским писателем, но возмущен на цензурных соображениях на называют его имени: «Один — весь попы, страсть, протест могучего, непосредственного чувства и вместе — нежная ласка, и любовь любящей материнской души другой — юный Антей, только что приносимый и роковой смертью, только что почувствовавший первый дуковый трепет этого приносимого, весь глубина интуитивной, инстинктивной, бессознательная, весь — созерцания, таинственный запрос, весь — жемка создания и чужды».

Но же был тот молодой Антей русского народа, который едва

успел приноситься к родной земле, там и не исчерпав до предела жизни своего могучего таланта! Видимо, речь идет здесь об Алексее Кольцове.

В девятисотые годы многие деятели русской культуры посетили могилу Тараса Шевченко.

Поэт Иван Велуосов, известный первонач. Шевченко на русский язык, побывал на Тарасовой горе в 1881 году. Вот строки из его стихотворения:

Изададена сюда являлся Мечта крдытлая мол... Могиле славаго Тараса Поклон голубокий отдала...

Через шесть лет, 16 июля 1907 года, Иван Велуосов снова побывал на могиле Тараса и в книге «Вызовы оставил следающую запись: «Середу веиную, злобу зоритому и у Днепра на могиле зарытому».

В том же году великую могилу посетил русский поэт Семен Дромин. Еще за тобой обиднее, глядя на маневские кручи, он записал в своей тетради:

К тебе, пророк — певец Украины, Я из России людий. С спокое умом печальной Проискал холм могилы твой.

Для мне приют на время твой. Во мне братства и любви И песни петь о бедном брате Воспе за тобой обиднее.

О голубом уважении деятелей русской культуры и имени велико-

го юбаря свидетельствует и возложение на его могилу венка артистам Художественного театра в 1912 году. На бронзовой дощечке венка были выгравированы «Генеральному Шевченко великий почит от Московского Художественного театра».

Многих интересовал, был ли на могиле юбаря А. М. Горький. В свое время украинский шевченковед Дмитрий Исорский писал, что Горький посетил народную святкуню в 1891 году.

Хочется рассказать читателям и о таком народе. Вынимаемый прогосударственный почитатель посетил могилу в дообстрелные годы в книге отзывов за 1914 год, я нашел расписку-автограф: «И. Горький». Только один автограф. Без текста и даты, хотя по списку до автографов и после него видно, что это было в октябре 1914 года. Тогда Александр Манасишин, нам свидетельствует «Летопись жизни и творчества» Горького», прибавив в Киев, и департамент столицы предложил губернскому управлению составить автограф Горького, его связи и сношения и о последующем уведомит».

Почетный список деятелей русской культуры, побывавших на могиле украинского народа, можно пополнить еще многими именами. Были среди них Иван Бунин, Андрей Белый и режиссер Малого театра А. Д. Ленский, баснописец А. Павлова и многие другие.

В. КОСТЕНКО, научный сотрудник Государственного музея Т. Г. Шевченко.

Рисунок В. АРОНИНА.

Первой опоминась Аляшка. Она села на корточки и быстро заговорила веселым голосом:

— Ой, какая большая девочка! Это твоя такая девочка? Здравствуй, девочка!

— Здравствуй! — медленно сказала Шпикнина и добавила, обняв ее за плечи: — Познакомься с тетями.

Девочка встала, отряхнула ладошки и поджала на нас ясные глаза.

— Меня Ольга Алексеевна звать.

— Из какой вы вытми? — сказала Шпикнина, — по возрасту. А в детский сад еще поступил неху. Второго дня дома сидит.

Аляшка подкинула:

— Ужас!

Она сказала это так, как будто всю жизнь знала, что у Шпикниковой дочка и как будто специально обдумала с ней трудности детского посещения. Потом без всякого перехода Аляшка начала рассказывать по поводу венгерскую центрифугу. На крышке у нее выгравировано: «С открытием крышечки работать очень строго запрещено!»

Шпикнина засмеялась, и у нас отлегло от сердца. И я подумала: «Что бы я делала без Аляшки?»

Мы шли мы с тортос «Юрипрэз», который по дороге купили для Шпикниковой, и Ольги Алексеевны сидела с нами за столом и гнала зבלюко. Говорила о всякой ерунде, и Ольга Алексеевна, оказавшись, джорно умела разговаривать. Это было удивительно. Раньше мне казалось, что так разговаривать совсем большие дети, ну, лет шестя. А такие маленькие — дай бог, если они говорят «агу» или «мама».

— Она сказала:

— А я один раз тоже болела, и к нам ходила тетя доктор и колола мне попку. У меня голова болела, а она мне попку лечила — почему?

Шпикнина вздохнула:

— Хорошо еще, я незаразная, а то что бы с ней делал! Сердце... Наверное, скоро встанет.

Она встала, ей было совсем неважно. Она говорила, задыхаясь, одышка переходила в долгий кашель, который валил ее на подушку, а она все время хотела сесть и стискивала побелевшими пальцами одеяло. Поэтому мы с Аляшкой старались побольше говорить сами.

Я рассказывала о последнем дожде Рабинича в Политехническом, когда утомилась, что Аляшка, лучший момент, спрашивает:

— Оля, а где папа?

Я запускаясь, забыла, о чем говорила. В тишине Олин ответ прозвучал громко и безмятежно:

— А папа нет.

В лице Шпикниковой ничего не изменилось.

— Оля! — сказала она, — пойдй к тете Клавде, она тебя умоет. Спать пора.

Мы привадували Олину кроватку поближе к Шпикниковой и сидела молча, пока Оля засыпала. Постепенно прелевые ресницы перестали вздрагивать и неподвижно легли на розовую щеку. Шека была тутая и теплая, мне очень хотелось просунуть руку между прутьями кроватки и пощупать, какая она тутая и теплая. Но я только осторожно потрогала одеяло.

Шпикнина сказала:

— Вы идите, а то пока доберетесь...

Соседа заглянула за нами дверь.

— Плохо Надышко дело, — говорила она шепотом. — Врач вставить не voleva, а с ребенком как не встанешь? Ну, утром, вечером я за девочкой сама пригляжу, а днем-то на работе. Вот горе!

Когда мы вышли, выпрывает дождь. Мы шли мимо деревянных домов с паласидниками и скамейками у калиток. Было совсем темно, лишь у трамвайной остановки подслеповатый фонарь освещал разбегавшихся по улице дождевые круги.

Утром я вышла очень рано, чтобы все успеть. Длинные тени домов сминались с остатками рассветных осенних сумерек. Наш переулок и только что открывавшиеся станицы метро казались просторными и тихими.

А когда шла через два мы выходили от Шпикниковой, было уже совсем ярким, у газетного киоска стояла очередь, а на трамвайной остановке толпились народ. Я крепко держала Оля за руку, рука была маленькая и вялая.

Мы еще вступили в трамвай, кто-то крикнул: «Ступитесь место женщины с ребенком!» Оля сидела у меня на коленях. И эта неприятная тяжесть, теплые дыхание и моего плеча, синяя vareжка, свешивающаяся на резинке из рукава, — все это впаляло меня удивительным чувством. Мне было немного стыдно — как будто и пользуюсь чем-то, на что не имею никакого права, — и в то же время непонятная гордость заставляла меня снисходительно смотреть на остальных женщин. У них, может, где-то и есть дети, но тут они просто женщины, а я «женщина с ребенком».

На Сужьской я им пришлось прибавить шагу. Оля послушно топала за мной, стараясь не отставать. Потом я взяла ее на руки, и так мы добежали до института, где я кинула удивленной вахтерше и, задыхаясь, вылетела на наш четвертый этаж.

Нас ждали. Тетя радостно ахнула. Аляк захохотал. Аляшка сообщила,

Шпикнину в лаборатории не любил. Это было обычная особа. худощавая, ахметная и крикливая. В прошлом году она выбрала из комсомолок по возрасту и самая билет, заявила, чтобы мы к ней больше не приставали с воскресниками и собраниями. Это было совершенно нормально: к ней давно уже никто не обращался, потому что все убавилось, что это бесполезно. Она вечно подсаживала; запихиваясь, бросала общие «здравствуй» и усаживалась к своему микроскопу. Невозможно было уговорить ее задержаться после работы — в половине четвертого она уже сидела халат и начинала ஏрять на стуле, то и дело подглядывая на часы. Это нас, говорила: «Не мучайтесь, Надя, идите...»

В кино и на вечера она с нами тоже никогда не ходила. И когда ватек поджимала губы, что к ней и с этим промолчила не обращаться.

Наканиуне ее дня рождения Аляшка сказала: «Дайте же подарим сумочку. Я выдала в ГУМе очень миленькие красивые сумочки. Но никто не знал, как Шпикнина отнесется к красной сумочке. Вообще никто понятия не имел, какие ей нравятся сумочки, какие стили ей нравились. Мы купили шикарный набор и преподнесли ей в обеденный перерыв».

Она подождала чуть, сказала: «Это еще зачем?» — и выставила коробку на Петино сто, за которым мы обычно пили чай. Только потом, покраснев, завернула несколько конфет в кулечки и спрятала в ящучку. И золотой шпурок, которым был перевязан коробок, спрятала.

И тот же день она как-то ухитрилась развезти объективом сер № 2264 — лучший препарат костного мозга из серин, над которым мы бились два недели. На нем были вытиснены новые формы хромосомных aberrаций (то есть поражения), они были идеальны, выданы, сам Рабинич ахнул бы, увидев такие aberrации.

Как нарочно, в конце дня приехал шеф. Увидев что, что осталось от среза № 2264, он опустился на табурет и стал говорить так тихо и спохватываясь, что нам даже стало жалко Шпикнину. Он сказал, что советует ей койнить, что нам даже стало жалко Шпикнину. Он сказал, что советует ей показывать кулечки — по пинтис кулечки в день каждой рутки, — чтобы развить бескомпромиссные приадтики, привнесенные к верхней части ее туловища, в орган, который превратил обезьяну в человека.

Аляк Соулин, дипломашич, направленный в нас с бифока, захохотал: он был человек новый и еще не знала характера шефа. Остальные молчали. Мы-то хорошо знали, что шеф никогда не кричит: чем больше он выходит из себя, тем спокойнее издается. Уж лучше бы он ругался.

Потом Тая сказала: «Я бы на ее месте уювилась».

Но Шпикнина не уювилась. Может быть, потому, что на следующий день она заболела.

Прошло три дня, и мы не звонили ей, потому что у нее не было телефона, и никто не поехал к ней, потому что это были дни, когда мы получали новое оборудование и вальжили все для нового опыта. После работы мы мчались куда-нибудь в кино или на выставку. Мы знали, что, когда опыт начнется, будет не до кино и вообще не до чего. Мы станем приходить домой по ночам, валиться в кровати и видеть во сне погибших кроликов, мигающие огоньки счетчиков и ниски графиков. А через месяц шеф скажет грустно, что мы движемся черепашьими темпами и что надо готовить новую серию.

В общем, мы расширяли свой кругозор зареане.

На четвертый день Кузьменко сказал, что надо иметь совесть и чтобы поехали мы с Аляшкой.

Мы взяли с собой в штале кааоро и отъездили куда-то на окраину. Трамвай долго петлял по заводским возле Москвы-реки, на остановках в двертя тянула несвежей речной водой.

Нам открыла соседка. Шпикнина лежала на узкой кровати, очень бледная, закутанная в теплые руки за голову. На стуле у кровати стояла скворочка с остывшей кашкой. Но все это мы заметили потом. А сначала мы увидели девочку.

Девочка стояла на косяках возле большого красного грузиника и заглядывала в его кабину какое-то животное из искусственной губы. Она была очень-очень Шпикнина, только толстая и гаденькая подстриженая. Голубые штанишки на резинках наползали из-под байкового платочка на ее колени.

ШАДРАНИ

что принесла кастрюльку куриного бульона. Тетя Дуся всплеснула руками: «Ах, как на мать-то похоже!» Все вскочило со своих мест и окружило нас. Оля настороженно и молча рассматривала белые столы и белые халаты и готовилась зевнуть, но вдруг заметила что-то и двинулась к подоконнику.

— А вот зай! — с таким восторгом сказала она. — Вот ушки... Вот лапки...

На подоконнике в клетке сидел подготовленный к опыту кролик. Нужно сказать, мы давно забыли, что у него есть ушки и лапки. Это была обычная исследовательская номер такой-то, породы швейцарская, самка.

Оля, сунув в клетку палец, рассматривала кролика, кролик дергал носом, а мы рассматривали Олю.

Как-то сложилось, что у нас в лаборатории ни у кого нет детей. Правда, есть сын у Тани, но он живет в Горьком, у Таниных родителей; Таня говорит, что вот-вот они с мужем получат квартиру и тогда выпустят бабунку и мамочка, ну а пока мы его ни разу не видели. У тети Дуси, нашего преподавателя, тоже сын, но он скоро сам станет палкой. Остались, за исключением Пети Кузьменко, вообще не обременены собственными семьями. Что же касается Пети, то на его недавней свадьбе Леньочка, Петина жена, сказала, чтобы мы воздержались от тостов за увеличение семьи. С детьми они решали подождать: она кончает ВГИК и все время пробегает для разных фильмов, а Пете тогда через два зашипит докторскую.

Словом, мы стояли и разгадывали Олю, пока тетя Дуся не сказала, что, наверное, мы хотим простудить ребенка: ребенок испугал, его давно рыдают пона.

Олю посадили за свободный шпинигский стол. На стол мы выставляли старые разновесы, фарфоровую ступку, пустые бутылочки из-под пенициллина и положив встало шелестящей синтетической стружки, в которую была уложена рентгеновская центрифуга. Из раздвинутых проводов Алик считал пары абстрактных скалетов — Ольга Александровна и их пришла с открытой душой и даже опознала в одном соседскую кошку.

Вообще она оказалась очень спокойной девочкой. Неслышно колодала она два, свамышились не нее ботинством, а потом утонула в исследовании быстрого английского атласа «Эмбрионалы позвоночных». Лишь когда, уже после обучения, снова пришла кролика, она занычала и запрыгала. Проговаривая восторженные и ласковые слова, она гадала прижатые уши и хвост с белыми подпалинами, а кролик тянул морду с подрыванием носом, и садые усы его пивекались.

В обеденный перерыв мы разогрели на горелке бульон и сварили купленные в буфете сосиски. Кровяк сделали из двух кресел, которые вытащили у шefa из кабинета. Оля заснула быстро. Она неслышно дышала, подложив ладошку под тутую щеку, и только иногда чмокала распустившиеся во сне губами.

Обедать в тот день никто не пошла. Алик доколабал бульон из кастрюльки, остальные ограничилися чаем. Мы повесили на дверях табличку «Тихо! Идет опыт!» и разговаривала шепотом.

Пожалуй, в этой бредовой затее есть рациональное зерно, — сказала Пети Кузьменко.

— Только нужно создать ребенку все условия, — сказала Аляшка. Хорошо, что вчера вечером шеф уехал в Ленинград, иначе, кроме скандала, ничего бы не получилось.

На следующий день мы явились во всеоружии: принесли одеяло, несколько килограммов яблок, кукалу в вайночке и популярную книжку «Идет бычок, качается». Алик притащил радиолау и раздобыл где-то пластинку «Ладушки-ладушки».

Впрочем, очень скоро у нас явилась нормальная жизнь, потому что два было по горло. Мы вообще много работали последние год в одной центральной газете появилась даже заметка о нашей лаборатории: «Молодежь на переднем крае науки». Там была фотография: Аляшка ладунчино смотрит на кобуй. И было сказано, между прочим, сколько мы опубликовали печатных трудов и сколько диссертаций будет защищено в недалеком будущем.

Нельзя было просто некогда особенно возгизся с Олей.

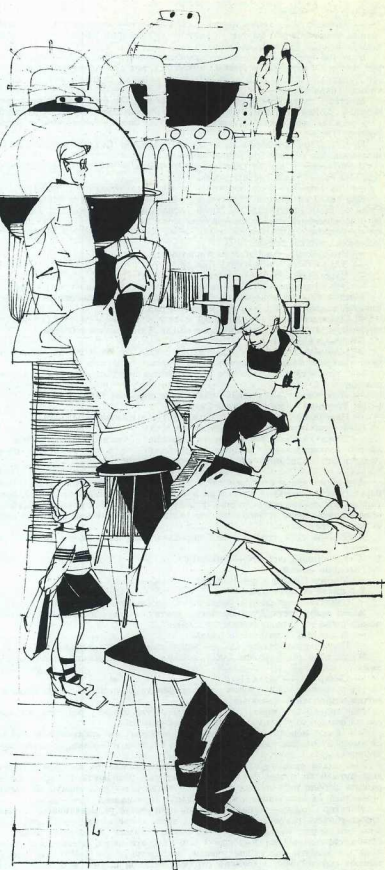
Утром она шла с тетей Дусей в виварий: тетя Дуся чистила клетки, Оля играла с окнами, а потом они вместе прогуливали собак. Они возвращались, когда кролика приносили из камеры, и Оля успевала немного поиграть с ним перед обедом. Проспавшись, она расставляла свое хозяйство или ходила от стола к столу, привставала на цыпочки и, заглядывая кому-нибудь под алоку, спрашивала: «А это что?»

И каждый раз Оля объясняла, как мог: «Это такая трубочка, называется микроскоп, а в нее все хорошо видно, как в очки. А это вроде карусели под названием цен-три-фута. А это, Олячка, ты, наверное, не поймешь. Это четырехканальный оциллограф фирмы Сименс».

Два через два, придя из вивария, Оля стала озабоченно поглядывать во все углы.

— А где зая? — спросила она.

Мы переглянулись.

— Зая убежал, — сказала я.

— В лес, — добавила Аляшка.

Оля засмеяла.

— Он скоро вернется! — поспеши вмешалась Таня.

— Он просил передать тебе привет, — сказала Алик.

Это ее как будто успокоило. Но уже собираясь домой (мы отвозили ее по очереди), она вдруг спросила:

— Как же он до леса добегает? Он ведь маленький. До леса очень далеко, и сколько раз дорогу переходит?...

А на следующий день пришла шеф. Это было как снег на голову: мы ждали его только через неделю. Он широко распахнул дверь в лабораторию, пропуская вперед высоченного мужчину; небрежная элегантность костюма, добрый облик и перстень на пальце неопровержимо свидетельствовали, что гость — иностранец.

женщины
записи
и пере-
писи
и др.
Он
идентифи-
цирует
документы
и фото
и дел
наде
и др.
Он
идентифи-
цирует
документы
и фото
и дел
наде
и др.

В истории маленькой прокуратуры Шен Те потрясает тот трагический символ добра и зла, что прорисован на главной странице провинции Сесуан, но может принадлежать к любой части на земле, где человек эксплуатирует человека, как сказано в авторской ремарке о месте действия.

Шен Те, единственный добрый человек, отмыкающий коммунитаризм с неба богам, кто всех нас стремится сделать добро людям, и для этого, как ни укажем парадокс, их приходится в своем допросе превращать в своего двоюродного брата Шун Та — человека безжалостного и циничного. Добрый Шен Те, вероюла предвещаний, как зовут в благодарности за помощь бедным, сама немедленно оказывается жертвой

нщиты, слышит горные упрены неудовольственных. Тогда вместо него появляется Шун Та, в погоне за наживой преступляющий безжалостно законы человеческой морали, и Шен Те вновь обретает способность помогать бедным.

Самые интересные моменты исследует в спектакле противоречия, которые актеры с большой старанием убедительно доношают, что должны быть наивным мир, в котором «зло в цене, добро в опале».

Спектакль «Добрый человек из Сесуана» поставлен Юрием Любымовым, актером Театра имени Вахтангова, ныне проживающим, что далеко не все его творческие возможности были известны зрителю.

В спектакле провалился

играл врагу в своей выразительности, интересных знающих и тонких, но скучных деталях образов. Все сводится к своей сути, и старин с молодыми лицами остались старинными, очень характерно по горбылиниям или повторениям одно и то же слово до тех пор, пока их не хлопнут по спине.

Видны, например, как под аккорды гитары и бойливой псалтыр пританцовывают и шаркированы малакми, валяется циничный, уверяет Шен Те в своей любви к ней, как вынужден богов, которые соглашаются (и это не словами Брехта) каждому

совместное движение, или музантава, который в аккорде иду, имитируя, не без зал на сцену и погоразднее, усматриваясь зрителю, видны и несомненно верная и «авторская» выразительность импровизации актеров. И кажется, что режиссер прочитал пьесу актерам и сказал им, увлеченным до предела: «А теперь, друзья, играй кто во что горазд, пусть каждый походит как яркое примарное действо, как баусильная игра детей».

Но это всего лишь иллюзия. Любимов создал очень умелую и твердую схему спектакля, связывающую все его элементы, как атомы в молекулу. Актеры сохраняют подвижность «атомов», чувствуют себя в спектакле свободно и легко.

Судя по спектаклю, режиссеру удалось создать очень умелую связь всех участников. З. Савана (то открытие своей любовью к людям, то заманивая в трагедию бессмысленно — трагедия (Юбийн) владыка Бессмыслие — трагедия бедностью, новерная адова Шин), их товарищи по 4-му курсу училища. Но здесь слово за государственной новизной, ведь спектакль дипломный! А зрители уже сказали молодым вахтанговцам: «Благодарю».

Владимир ШКУНОВ

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

В известном в старое время журнале «Сатирикон» была интересная рубрика «Под микроскопом». Здесь печатались ответы незадачливым авторам. Вот некоторые из них.

«Вы сообщаете, что ваши родители не знают о ваших гомосексуальных влечениях, и это будет для них сюрпризом. Да, ...горе несчастных родителей, если они узнают, но будет подвешивать опашку».

«Вы, наконец, пишете мне, и не пишете мне, вы меня или востаните перор...»

«Вы будущи освоеномлены в цели и полезности этой заочной операции, от вас печатания стихов отказываемся».

«Напрасно вы обращаетесь к редактору со словами: «Милостивый государь! Если бы вы знали: это зверь в образе человека! Это он с нашими рассказами средла — свавать странно».

«И, подивившись, я умноло заплакал донной ногом...»

«Придуманный вами способ излечения от вашей фамилии, стижки не пропал. Ни ногам, ни рукам».

«А. В. Ваногодуово. Если по-прежнему найдете неудобным печатать мою фамилию, то...»

«Напрасно, волнуетесь — неприличного в вашей фамилии ничего нет, и наши редакторы печатают ее. Мы справимся со ее. Но... одних фамилий не печатаем».

ПОЧЕМУ НЕ ПИШУ НИКОМУ?

«Долго не решился послать, наконец послал: Ваша попятка — пытка».

«Если в это не впадают, то — шикать, а хотел на ваш журнал».

«Не печатаем. Читайте. Есть люди, у которых на словах изменяет приличные манеры».

«Сообщите, как вы мне заплатите гонимар, поостроно или как?»

«Полудю».

«Вы просите печатать «первый грешно» видного грешника. Мы смиримся с миром: иди и больше не грешни».

«Я сожаленно, ваш расказ «Юбийн Гогола» безобразен. Но так как расказ «очень хорош», то мы решимся сохранить его до двухсотлетнего юбилея этого талантливого писателя».

«Вы спрашиваете: как надо писать, чтобы ваши стихи печатались в «Сатирикон»?»

«Попробуйте писать гусиным пером. Пушкин им писал, и у него очень складно выходило».

«Давно собрался и послать стихы в «Сатирикон», да не мог собрать столько, лучше поздно, чем никогда».

«Лучше — никогда».

«Посылаю и я стихин...»

«Нужа конь с копитом, тут и рас с иешней. Не пригоден ли?»

«С благодарностью ждем вашу иешню, но стихин не посылать».

«Сострите что-нибудь в «Почтословии», мы обязательно примите вас. Можно и состричь: все приписано правде, а вы — гонимар. Ну да, смешию».

«Неповторно: почему вы не пишите стихов, вы не пишите ни на кого, ни на кого».

«Что вы называете «отвечать поавторской»? Как на борбак? К сожаленно, но моему».

«Ваша попятка».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

«Почему вы друге могут печататься, а я не могу? — Бог их знает. Так трудно сказать. Почер у них лучше, что ли. Или еще что...».

арт. А. Чернов, в роли Летящих. Это же дебют в кино. Студенту-ученица имени Шунина А. Черновской горничной ей девятнадцать лет, поэтому так близки ей мысли и промешней короткое лето в гомосексуальной это время, ильде и еще один дебют — дебют Акдем Манасарово, монархия «гора» явилась первой самостоятельной художественной кино, тогда же мейалый кинематографический клуб ВГИКа она пошла в хрестоматия была и моя большая иешня меня несподручно с «Сатирикон» — гомосексуальной кинохроникальным фильмам и к «Сатирикон», поставленному в Театр-Студия.

«Ваш план?» На этот традицион Манасарова отвечает: «Давать сценарий «Давать лет спутником Михаилон Сметанов» отдал над сценарием. Это значить, он ведь встречал на море, и фильм иона принесет зрительно такую же радость с кинематографической л. ГОЛУБИКИ

Рисунки В. НЕДОГОНОВА

Василий ТРОФИМОВ,
заслуженный мастер спорта

Фото А. НИКОЛАЕВА

Мне было, наверное, лет восемь, — тогда приважило вдруг это неординарное счастье: мне подарили коньки. Не коньки, а именно конек — один, тонкий-переточенный, динговина большого размера. Но на валенке, его все же можно было приспособить, и в тот же день я уже гонял мяч на нашем тогда «главном стадионе» — Болшевских ребятах.

Так произошло мое знакомство с хоккеем, и вот уже более тридцати пяти лет я верен этой замечательной игре — чудесной спутнице нашей русской зимы. Ну вот, скажут скептики, весь

мир играет «в шайбу», наша сборная — четырехкратный чемпион мира, а Трофимов опытный за свое — прославляет умиротворяющий вид спорта, к которому молодежь давно потеряла всякий интерес.

Ну, начну с того, что такие высказывания (а их приходится слышать довольно часто) исходят из совершенно ошибочной предвзятости: дескать, существуют два хоккея, и вот один «одолеет» другого. Я сам играл на шайбу, и дома за спортивную команду к числу противников этой хоккея. Дело же все в том, что, кроме общности

названия и чисто внешних атрибутов (лед, клюшки, ворота, который надо «затыкать»), эти две игры не имеют ничего общего и существуют совершенно самостоятельно, никак не мешая друг другу. Так что весь конфликт онаивается совершенно надуманным и исходит в основном от людей, имеющих поверхностное представление о спорте.

Что же касается разговора о потере интереса к хоккею с мячом, то давайте вернемся к ним после того, как мои оппоненты съездили в город Урала, Сибирь, Дальнего Востока и попробуют купить билет на малоизвестный интересный матч команд мастеров. Можно, конечно, посоветовать им поехать в Архангельск: там по крайней мере радостно со стадиона растут деревья, с которых отлично видно поле. Но и в этом случае нужно прийти к стадиону заранее, иначе все «места» окажутся занятыми.

Впрочем, довольно об этом, давайте лучше я вам

расскажу о том, за что у нас любимы и любят хоккей с мячом. Он существует на Руси с тех незапамятных времен, когда появились первые коньки. Разумеется, тогда не знали английского слова «хоккей» и употребляли совсем другие названия: «загон», «шубарь», «клюшки». Цель же во всех этих народных играх была одна: как можно быстрее провести мяч из одного места в другое.

Историки спорта утверждают, что первый официальный хоккейный матч в нашей стране состоялся 68 лет назад — 3 марта 1888 года — играли две команды «Петербургского кружка любителей спорта».

А первое международное турнир русских спортсменов состоялось девять лет спустя. Выступал в Германии, Норвегии и Швеции, они одержали шесть побед, сделали ничью и лишь один матч проиграли. С тех пор международные связи наших любителей хоккея — «бенди» (так его называют в

скандинавских странах) — постоянно развиваются.

Мы любим хоккей с мячом прежде всего за взрывную скорость бега, которую динговина большого размера футбольному полю. В команде играют одиннадцать человек, так что игровая нагрузка здесь ничуть не меньше, чем в хоккее с шайбой.

Но важно ведь не только уметь от противника или догнать его. Главное — забить гол, и поэтому никакой финтов, умение выдать точный пас по новарному ледяному зариану ценятся куда выше одного быстрого бега. В хоккее с мячом нет силовых приемов — это позволило довести свободу до степени подлинного искусства. Попробуйте-на удержаться на ногах, просто выведя мяч клюшкой, и вы убедитесь, что это не так уж легко.

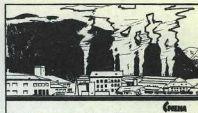
Помните, в довоенные годы играл за московский «Буравчик» Успенский, которым до сих пор не устает восхищаться наш выдаю-

МЯЧИ НА ЛЕДУ

Единоборство вратаря и форварда. Кто победит?

Построена «стенка». Сейчас будет подан штрафной удар.

**КОРРЕСПОНДЕНТСКИЙ ПОСТ
«СМЕНЬ» СООБЩАЕТ:**

**Проблема
горных
склонов**

У нас в Кировске зима начинается на месяц-полтора раньше, чем в средней полосе страны. На юге заорают, купаются, а у нас ребята уже прокладывают первую лыжню. Весна в наших краях тоже не любит торпиться, и в апреле, а бывает и в мае на склонах наших гор соревнуются салаоманты. Такие идеальные условия для занятий зимними видами спорта трудно подыскать на территории Советского Союза.

В Кировске выросли 28 горнолыжников — мастеров спорта, из которых 3 чемпионы СССР, 16 чемпионов РСФСР. Кировчане очень любят спорт. Сотни парней и девушек принимают участие в соревнованиях по саллому и скоростному спуску. В городе работают две детские спортивные школы, в которых около 200 ребят изучают технику горнолыжного спорта.

Горнолыжный спорт — гордость Кировска и вместе с тем его «большое» место. На склонах гор Кукуисуммюр и Айкуйвинкюр установлены два пятисотметровых подъемника. Эти хребты примитивные сооружения не удовлетворяют спортсменов, да к тому же они почти всегда в ремонте.

Кировску необходимы современные подъемники общей протяженностью в две тысячи метров. Их ориентировочная стоимость 150 тысяч рублей. Многие кировчане хотят в свободное от работы время выйти на стройку этих сооружений, столь необходимых спортсменам не только нашего города, но и всей страны. Но одного энтузиаста мало. Без помощи, конкретной помощи Центрального союза Советских спортивных обществ и организаций СССР нам никак не обойтись: оборудование для подъемников требуется сложное, и своими силами его изготовить нельзя.

В. ГОРЯЧКИН,
секретарь Кировского горкома ВЛКСМ

От редакции. Как сообщал нам в Федерации лыжного спорта СССР, в настоящее время готовится проект постановления Центрального совета о состоянии и дальнейшем развитии лыжного спорта в нашей стране. Среди первоочередных строек в проекте указаны и подъемники на склонах Кировских гор.

щийся хоккеист Михаил Иосифович Якушин (именно хоккеист, а потом уже футболист). Успешный игрок почти мяч по прямой, нигде не отклонился, а защитники один за другим оставались позади, обманутые одной лишь игрой тела, обманчивыми движениями, которыми он владеет в совершенстве.

Да и сам Якушин был в этом отношении просто изумителен. Он был очень скрупулезен, на первый взгляд нетороплив в своих движениях, но, срываясь вперед, «противник» никак не мог его догнать, делая по вратарю шаг на один футушкинский.

Когда-то Андрей Петрович Старостин сказал Якушину фразу, которая, по-моему, применима ко многим мастерам: «В футбол ты пришел из хоккея». Кочетков, Николаев, Демин, Петр Дементьев, Лашин, Сергей Соловьев, Мошкаркин, Николай Ильин, Гранаткин, Бобров, братья Старостины... «Да ведь все это история советского футбола» — восклицаете вы. Совершенно верно, но в не величайшей степени это история хоккея с мячом.

Хоккей с мячом и футбол очень близки друг другу, они, по-моему, куда ближе, чем шайба и клюш. Замой наши футболисты именно на хоккейных полях оттачивали свое мастерство, совершенствовали технику, особенно искусство обводки и паса. И нынче среди футболистов немало бывших хоккейных мастеров. Ключики: Лев Яшин, Игорь Нетто, ленинградец Николай Рязанов.

Парадоксально выглядит в столичном «Динамо» Игорь Численко и Валерий Маслов, которые были приняты в команду мастеров... по хоккею.

Мне кажется, что некоторые наши тренеры совершенно напрасно отталкиваются от хоккея как способа подготовки футболистов. В значительной степени здесь сказывается сила инерции: веда-бразильцы или англичане в хоккей не играют, ну и мы забываемся проверенные многолетней практикой классические методы тренировок.

Был период, когда хоккей с мячом в нашей стране начал отставать, приходить в упадок. Объясняется это очень просто. У нас только-только начали культивировать хоккей с шайбой, и многие общепризнанные мастера с энтузиазмом занялись новым спортом. Всеволод Бобров, Николай Сологубов, Аркадий Чернышев — сейчас эти имена известны всему миру. Но они не забыли, но поминичею родства, и не раз публично подчеркивали, что именно маленький хоккейный мячик помог им раскрыть все секреты канадской шайбы.

Сейчас замечательная русская игра переживает вторую молодость. Наши ребята — замкнутой среды, у нас появились отличные команды в Свердловске, Хабаровске, Красноярске, Ижевске, Нижнем Тагиле и многих других городах. В мастерстве такие спортсмены, как Евгений Папулин, Николай Дуранов, Валентин Атаманчиков, Михаил Осинцев, ни в чем не уступают признанным корифеям прежних лет. Растет новая смена, уважающая старые, добрые традиции и одновременно привносящая в игру что-то свое, новое, переводное.

И в этом нет ничего удивительного. Ведь просто здорово пробовать целых два часа на свежем морозном воздухе, покататься на коньках, развлечься игрой, в которой без соревновательности, интереса, спорности не обидешься! И тому же хоккейную площадку можно занять без особых затрат воды, газе есть футбольное поле и, наоборот, а потом надевать обычный лыжный костюм, коньки и спешить на поле — мяч уже в игре, он идет вась...

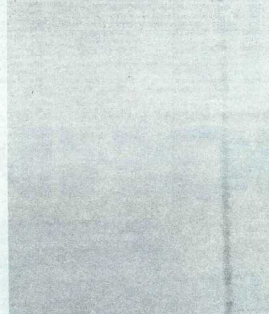

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Они и сам не знал, почему пошел за ними, не отставая, шаг в шаг.

Может быть, его увлек ритм чужой походки — размашистой и бесцельной.

Он опустил глаза и поглядывал на ноги девушки. Сквозь прозрачные, тонко стелющиеся, станик чулок были видны овалы, словно ауга, крепкие нирва, и он не смог заставить себя сейчас же отвести глаза.

«Наверно, хороша на ямках... И на танцах тоже...» — невольно подумал он со странным, щемливым чувством. — Ишь, обветает! Сам он не мог ни на дыжку ходить, ни танцевать. И слава богу, что не мог: все равно медь нельзя, все равно...

Внезапно славенный дуэт их похорки нарушился, ритм сошел, и парень, наклонившись к девочке, не то шепнул ей что-то, не то поцеловал... Она засмеялась, несильно отбавилась коротким порывком, и они останови-

лись под белым, зачехленным снегом деревом. Целуются...

И снова он не сразу, как надо бы, отнял глаза, и тревожной волной охватило его худое, долговозраст тело, и нервный румянец вскипел на высоких скулах.

«Господи, помоги!» — привычно позвал он про себя и пошел глаза и небу.

Шел сухой, редкий снег. Одна снежинка, большая, переливающая, тихо покачивая хрупкими лепестками, села на черный мех девичьей шубки.

Девушка положила руки на плечи парню и что-то говорила — горло, певуче.

И опять пошло-пошло тупело и тревожно толкаться сердцу — завистью ли, обидой ли, страхом ли обиденного?

«Господи, помоги!» — предостерегающе позвал он того, кого привык звать всегда. И тут же увидел, как снежинка на черном меху — мерцающий и танцевальный мир — угадал. Мех радужно блиснул капелюльками расставшей воды, а потом скрыл и ее. Он почувствовала внезапное облегчение.

«Вот и все...» — подумал он. — Вот и все...

Так оно и бывает. Родилась жизнь, мелькнула и ступила навсегда... Эта девушка... Как она громко, бессмысленно светится! Мать сбавала бы: «Бес, небось, щемит». Жизнь... Короткое, бессмысленное переплетение астрал, разлук, ничтожных радостей человеческого существования, самолюбивых, эгоистических мук... Боже, Боже, как тяжело существует люди в недоглаговременном гнетзе своем! Игра в ученье, игра в любовь... Где же ни успеть, подумать о том, что будет после, там?

Он видел, как они, эти двое, свернули и кинули — должно быть, в кино... Освещенный огнями, греющийся музыкой дьявольский дом... Безумица, безумица...

За всю свою жизнь он ни разу не ступил на крыльцо кинотеатра. Он не позволил себе или ему не позволили? Наверно, различия... Ведь главное — он мил, как надо. Он слышал себе и спал с другими, и жизнь его знала цель. Он не давал себе потаки, нет! И когда в воскресенье мимо оной с гинья-ом кесис по суррогам львиному, бежали в парк на свидание расфуфыренные девчонки, он только крепче сжимал в руке карандаш, которые переписывал псалмы. Он только еще лихорадочной молител — до рывочек более в сердце, до тех пор, пока в ушах не начинали звонить колокольчики, и перед глазами не всплывал розовый туман, и в нолених, простуженных долинах стонания на земляном полу, не возникала ревматическая ломота.

Из парка он почти бежал, спотыкаясь в густом снегу. Остановился только у гастронома, чтобы перевести дух.

Мишэл — охлинула его что-то.

Везде магазин он увидел двух девочек с одинаковыми круглыми лицами, в одинаковых пальтишках. Это были Силванетта — Фюнка и Света Голубичи. Он отыскался и постарался прятать лицо спонной выразительности. Позвал их и себе. Девочки послушно подошли.

Здравствуйте... сестры... тихо сказал он — Сюр Заврат, у Бачиновых, помини! Не болтайте только. А то ведь сейчас знаете нам... Шугагут вы... Из милиции... Или эти... из комсомола... Они согласно кивнули.

— Отчего мы и вправду не рядом, а друг против друга!.. Скажи, мы враги! Да или нет! Не молчи же!

КРАШЕННЫЕ

СТАВЬТЕ СВОИ ВОПРОСЫ

ЭКСКУРСИЯ «СМЕНЫ»

Тревожная сирена врывается в привычный шум города. Лавируя в потоке машин, по резервной зоне мчится автомобиль. «Скорая помощь!»
Медики называют эту машину «терминальной». Помощь ее в полном смысле скорая. Скорейшая! Там, откуда послан вызов, человек на грани смерти. Может быть, он уже умер. «Зачем же спешить?» — спросите вы. — Число умерших — «терминальную» вызывают именно в таких случаях.

ОТДЕЛЕНИЕ КАК ОТДЕЛЕНИЕ

Машина въезжает в главные ворота крупнейшей московской больницы, носитель ния доктора Боткина. Круто поворачивает налево, направо. Еще раз направо и останавливается у двухэтажного дома. Здесь, в шовном кабинете, «кчат»... смерть, возвращаясь к жизни погибших людей.

В обычной хирургическом отделении обычные «хирургические» больные с острым аппендицитом, открытой переломной ногой, прободной явовой язвуду. Операционная готова и любому виду хирургического вмешательства: круглые сутки дежурят врачи, они могут приступить к операции в любую минуту.

Но больной, доставленный «терминальной» машиной, минует все это. Стараясь как можно меньше тревожить пострадавшего, санитары возят его прямо в реаниматологическое отделение, в протившокольный кабинет.

На первый взгляд отделение как отделение, ничем особенного в нем нет. Только индивидуальный пост у наем-

ного больного, и сестры высшей квалификации, и особые приборы (название их оценит лишь профессиональный глаз медика)...

В протившокольном кабинете — рентгеноаппарат, маленький портативный. Непрерывная бестеневая лампа для искусственного «управляемого» дыхания и холодильник с запасами крови, плазмы, кровозаменителей. Кислородных баллонов, обязательных спутников операционной, нигде не видно. Кислород непрерывно течет сюда от центрального пульта. Он подается отсюда и в палаты, где лежат терминальные больные. В строгом безмолвии стоят приборы, готовые немедленно прийти на помощь хирургу: элетронкардиографы, оксигеметры, элетронцефалографы. Тут же, в протившокольном кабинете, не теряя драгоценных минут, дежурный врач может зарегистрировать наиболее отклонение в работе сердца, определить насыщение крови кислородом, записать биотоки головного мозга.

Здесь все необходимо, чтобы поставить точнейший диагноз и тут же начать операцию — «онилание».

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СМЕРТИ?

Истопно веком принято считать: от смерти нет лекарства. «Дом после пожара восстановить можно, человека после смерти — не поднимешь», — так говорят врачи. «Смерть — помнит — и тысяча Будд не поминет», — гласила народная индустриальная пова. Разве что в Виллии можно было найти рассказы о чудесном «воскрешении из мертвых».

Ученые судили иначе: смерть можно «лечить» как болезнь. Этой проблемой занялся реаниматология — наука об оживлении организма. Пользуясь достижениями терапии, хирургии, биологии, общей биологии, физиологии, она вместе с тем имеет и свой собственный четкий профиль, свои задачи и методы.

Что мы знаем о смерти?
Уверта — значит против через несколько стадий этого печального процесса. Предпоследняя из них — миническая смерть.

Миническая смерть. Человек перестает дышать, перестает биться его сердце. Он умер. Но обмен веществ в организме продолжается. Качественно он, конечно, уже не тот, что при жизни, — организм вынужден перейти на очень экономное питание. Грубо говоря, каждая его клетка живет теперь главным образом за счет своих внутренних ресурсов и потому недолго. Но за этот короткий срок умершего еще можно вернуть к жизни. Главное — не упустить время, успеть восстановить кровообращение и дыхание. Потому что, как правило, через пять-шесть минут клетки задохнутся без кислорода, и наступит состояние, из которого возврата уже нет, — биологическая смерть.

Но всегда миническая смерть продолжается пять-шесть минут. Срок ее может быть немного больше или меньше. Все зависит от причин смерти, состояния человека. У старика, истощенного долгой болезнью, граница между минической и биологической смертью выдвинута гораздо слабее, чем, например, у сильного и выносливого человека. Неожиданно попавшего в катастрофу,

В специальной машине «Скорой помощи» активная борьба со смертью начинается неслабо, на ходу. Время очень дорого...

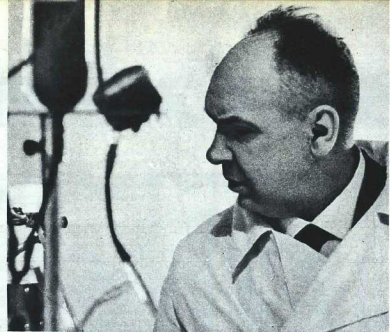

Опыты на изолированном сердце, на животных помогли раскрыть тайну угасания и восстановления жизни. Когда началась Великая Отечественная война, на фронт выехала бригада медиков, возглавляемая руководителем Лаборатории экспериментальной физиологии, профессором, лауреатом Государственной премии В. А. Неговским, а тогда просто врачом, фанатично верящим в свое дело.

Первый «воскресший» — офицер Чепалов... За ним — десанты других воинов, погибших от большой потери крови и возвращенных к жизни. В течение последующих лет лаборатория вернула жизнь сотням людей. Смерть была побеждена в совершенно безнадежных, казалось бы, условиях.

ОНИ ЖИВУТ ВТОРОЙ РАЗ

Мы заглядываем в палату. Там темно. Светится только огромный агрегат на стене, нитки и пластмасса у постели больного мальчика. Больной спит. Равномерно вздымают механические внутренности аппарата искусственного дыхания. Он непрерывно работает уже второй месяц: мальчика пока не может дышать сам; он перенес тяжелое ранение сердца. Но хирург удалось победить смерть. Роб-

Профессор В. А. Неговский.

ко, неуверенно возмущая аналза «позымы» жизни, потом сердце стало отвечать все более решительно. Сейчас умирающий уже улыбается.

Кровать, на которой лежит больной, особой конструкции: она позволяет усадь больного в шкату, вернуться. Можно повернуть его на бок, опустить или поднять голову. Надуть матрасом матрас не дает образовываться пролежням.

Мальчик спит. Его жизнь вверена пона механизму. Но пройдет время, и мальчик вернется в школу, вернется и друзья, и учеба. Сколько людей, спасенных вот так, будущие «воскресших из мертвых», сейчас уже трудятся, радуются жизни, мечтают, любят.

...Больная И., 40 лет, попала в автомобильную катастрофу. Перелом основания черепа, Агония. Выздоровление.

...Больной Р., 22 лет. Глобальная перитонит. Агония. Выздоровление.

...Больной В., 57 лет. Инфаркт миокарда. Канническая смерть. Выздоровление.

Что это: случайность, чудо? Нет, не чудо, а обычная, повседневная работа большого коллектива врачей и научных сотрудников Лаборатории экспериментальной физиологии Академии медицинских наук СССР, врачей больницы имени Боткина и Четвертой Гражданской, где толпе есть реаниматологические отделения.

ШЕСТЬ МИНУТ — И ТОЛЬКО

Много проблем предстоит решить ученым, работающим в области оживления. И едва ли не главная из них — добиться большой продолжительности периода клинической смерти. Странно это звучит: добиться продолжительности «смерти» — но именно так мыслит себе медики дальнейшую разработку проблемы оживления с применением гипотермии.

Пока еще не удается в обычных условиях продлить жизнь клеток головного мозга дольше некоего, ограниченного пяти-шести минутами срока. А гипотермия — использование низких температур для охлаждения организма — уже сейчас позволяет увеличить драгоценный срок почти в двадцать раз.

Мы побывали в Лаборатории экспериментальной физиологии в тот день, когда профессор Неговский вместе со своим сотрудником окончил собаку после двухчасовой смерти. Таких опытов в лаборатории проведено уже много. Два часа не прошло. Трудность не в том, чтобы охладить организм. Охлаждать, нужно не погубить его. Науке сейчас известно много случаев, когда жизнь возвращалась и погибшим и после шести минут небытия, если они подвергались при этом длительному охлаждению.

Там, пользуясь методом Неговского, хирургу П. С. Абрамчу в совхозе «Прославский», Антоновской области, удалось оживить замерзшего и пролежавшего около трех часов в снежном сугробе молодого тракториста Владимира Харина.

Конечно, оживить человека, допустим, через несколько часов после смерти — задача, которая сегодня выглядит фантастической. Но сотрудники лаборатории считают ее вполне перспективной.

Перед реаниматологией непочтительный ирай исследований.

Экскурсию вели наши репортеры Григорий ДУБИНСКИЙ и Анна МИРЛИС.

Кто бы мог подумать, что А. А. Седова была в состоянии клинической смерти! Она живет «вторую жизнь».

и к утру шарфом закручивалась вокруг шеи. Эруа потянула свет, лег в постель и стал смотреть на светлую полосу под деревья. Из кухни доносился приглушенный плеск, громко кричало радио и время от времени бутылка со звоном ударялась о стакан. «Поздравляю... подула она... они, наверное, извлекли из бутылки новую полдюжину». От холода он никак не мог уснуть. Он лежал на боку, свернувшись калачиком, захватывая глаза, не в силах побороть дрожь. Наконец встал, взял с пола коврик — мешок из-под картошки — и пошел к его повелок спящих двух толковых одежд. Сразу стало лучше, и вскоре он уснул.

Вару что громадное приращение его своей тяжести. В ужасе он проснулся. Он чувствовал, как тяжесть эта поднимает его под себя и дупнит. Он бенито отбивался руками и ногами, пытаясь высосать лицо из-под одеяла, вдохнуть новой свободы. Но тяжесть, придавленную его, невозможно было сдвинуть с места. Он завопил. И тут тяжесть скатилась с него и с легким стуком упала на пол. Несколько минут он лежал и ждало глотать воздух, пытаясь побороть безумный страх охвативший его. Хоть бы свет зажечь! Он высосался, пошу из-под одеяла и стал вслепую пол. Под пальцами было что-то мягкое и теплое, потом он наконец нашол холодные доски. Он встал и включил свет.

Отец лежал на полу и храпел, разинув рот.

2

Морозным августовским утром Эруа спешива в школу. Голе ноги его совсем немеют от холода: скалы покреще куалаки, он осеивает руки в карманах и стиснул зубы.

На густой жавной негиром, убитой паутинкой, багастая каляя росла. Эруа провела по ней ругель: последние остались дымный след. Уго вправилось, как багист в солнце паутина, но почему-то ему доставало удовольствия уничтожить ее одним взмахом руки.

В школу он привнес одним из первых. В классе мистер Скотт аккуратно закладывая в печьку раскочу повехк куса газеты.

— Доброе утро, мистер Скотт!

— Доброе утро, Эруа! — Учитель склнул взглядом бедную одежку мальчика. — Окинула сегодня с утра холодно.

— Не очеви? — Эруа улыбнулся и потопал ногами.

— Я думаю посадить тебя сегодня снова за одну парту с Ребеккой, она тебе поможет. Как ты на это смотришь?

Эруа смущенно потупился. Он знал, что мистер Скотт скажет его рядом с Ребеккой только для того, чтобы он мог согреться у печки.

— Нет ли для меня какой работы?

— Сейчас выясним. — Учитель осмотрел раскочу коммату.

Все доски чисто вытерты, книжки аккуратно рас-

ставлены по полкам, мел тщательно рассортирован и разложен у доски, парты стояли ровными рядами, учебники разложены по сложившимся, настенные таблицы свернуты и поставлены в угол.

— Спасибо, Эруа. Я думаю, ты вчера все сделал!

— Возможно, и вынул пыль!

— Ты это делаю уже вчера. Сегодня не твою очередь.

— Может, мне дров из сарая принести?

— Ну, принеси ослезку. Только выбери сухие, они отделимо от сырых сложены.

— Я знаю, где сухие. — Эруа пошел в сарай, спустил рукава рубахи и начал накалывать поленья на руку. Он привнес две ослезки, свалив их возле печки и пошел уже было за третьей, но мистер Скотт сказал:

— Хватит, спасибо, Эруа. Беги во двор и поиграй там до звонка. Беги быстрее, лучше согреешься.

Но Эруа продолжал стоять возле печки, наблюдая за тем, как учитель выписывает мелом на доске арифметические примеры. Ему нравилось смотреть на мистера Скотта. На нем хороший костюм, модный воротничок и галстук, розовое лицо его всегда свежеевбито, волосы аккуратно подстрижены и причесаны. Но больше всего Эруа нравилось в мистере Скотте приветливое обращение. Насколько он лучше их прошлогоднего учителя мистера Балла! Тот вечно был раздражен чем-то, вечно был детей линейкой по рукам. Эруа так хотелось иногда тоже надевать хороший костюм и выглядеть опрятным, хотелось выступить перед всем классом, чтобы его с таким же уважением все слушали! Когда он смотрел на мистера Скотта, он при этом всегда думал о китце, о том, как хорошо было бы знать слова его, сколько знает учителя. Почему это, — недоумевал Эруа, — человек, который так много знает, живет в деревне, среди лесорубов, вдали от города? В конце концов разве город не создан для самых умных и важных людей?

Прозвонил звонок, и дети, толкаясь и пехая друг друга, выстроились в коридоре в линейку. Каждый хотел быть первым. Мистер Скотт сказал:

— Потине. Не толкайтесь.

Дети строем вошли в класс. От разгоревшейся печки в классе было тепло и уютно. Староста открыл окно.

Мистер Скотт назначил Эдди Капа вести сегодня устную беседу. Эдди знал со стола список класса и ставил против фамилии каждого выступавшего руку.

Эруа Умисон, — сказала он. — Твоя очередь.

Эруа зеррала на своем сиденье и закрыла лицо локтем.

— Эруа, я тебя вызываю!

Эруа посмотрела на мистера Скотта, ниц у него поадержки, но то был знает, отменял учени-

ков по списку. Эруа нехота поднимая с места и вышла на середину класса. Он стоял, сжав за спиной руки, переминался с ноги на ногу. Уставившись в окно, он отчаянно пытался что-нибудь припомнить. Класс захихикал. Листва плеска, похорывавшей склоны ближнего холма, поблосквали на солнце, коровы топтали влажную от росы траву. Эруа хотелось бежать и спрятаться в кустарнике, где никто его не найдет. Бежать и бежать...

Смешки становились громче. Мистер Скотт посмотрел на детей и сказал:

— Можешь не отвечать сегодня, Эруа. После канкулу ты, наверное, смущен сам что-нибудь расскажешь.

Измученный, усталой походкой он вернулся на место.

— Эруа, возьми свои учебники и сядь, покажи, а парту к Ребекке.

Снова смешки. Эруа села с парты учебника и пересек к Ребекке, поближе к печке. Ребекка смотрела в сторону, делая вид, что не замечает его.

— Дастевайте тетради по арифметике.

Насколько то на него переослался обратить внимание. Ребекка с улыбкой повернулась к нему:

— Хорошо спасибо, у печки, правда?

Он кивнул.

Дети решили в уме примеры с доски, а затем взыскан за задачей. Эруа алмаго голову над примерами, мучительно стараясь решить.

— Ховешь, я тебе помогу? — спросила Ребекка. Волосы ее сегодня были заплетены в косички, большие глаза сияли.

— Не надо, я и сам могу.

Мистер Скотт взял желтый мел писать на доске отцы.

— Отложите карандаши. Помогаетесь тетрадками. Приготовьтесь проверить. Чарли решит первый пример.

Чарли поднялся.

— Восемь плюс семь будет пятнадцать. Пишем пять, десять в уме.

Эруа всегда забывала, что надо оставлять цифру в уме. Он посмотрел на свои дурращие ответки и прикинул тетрадь алмаго.

— Сделали тетрадки поменьше, — напомнил ему Ребекка.

— Вот еще, буду я меняться!

— У тебя первый пример вышел!

— Варе ба! — Он сделал вид, что старательно выводит олочку.

Все по очереди давали ответы. Когда подошла черед Эруа, мистер Скотт с минуты задержкой на нем взгляда, а потом перешел к другому ряду.

— Все возьмите свои тетради. Подсчитайте правильные ответы. Ну... У кого все авадает правильно, поднимите руку!

Эруа высоко подняла руку. Мистер Скотт оглядел класс.

— Молодец, Чарли. Ты опять, Эдди... хорошо. А

МОДЕ

СЛОВО

Н. ДМИТРИЕВА

ФОТО М. МУРАЗОВА

Говорят, только мужчина может быть хорошим художником-модельером, потому что только мужчина может объективно судить о женском костюме. Вероятно, так оно и есть. Во всяком случае, модели молодого талантливого художника Вячеслава Зайцева нравятся женщинам. Они отмечают в них не только полное соответствие сегодняшней моде, но и то умение найти и выразить в костюме подчас необъяснимое «чуть-чуть», которое делает его удобным, красивым и любимым.

...Шли трудные послевоенные годы. Мама Славы Зайцева работала уборщицей. Слава рос, у него было много товарищей и не слишком много причин для безотчетной радости. Но в текстильном городке Иваново кто-то очень верно и добро назвал неунывающего вих-

растого мальчишку Славу Зайцева «солнечным зайчиком». Светлоглазый непоседа, он сплавил к людям с открытой, приветливой улыбкой, любил песни и краски, охотно учился. Получив после окончания техникума диплом художника по текстильному рисунку, он приехал с ним в Москву поступать в числе «пяти процентов» в текстильный институт.

В институте он начал искать разгадку «секрета» народного костюма. Египетская живопись, иранская миниатюра, фрески Китая, графика Японии и в основном древнерусская живопись — все это выходило за рамки лекций. Но Слава увлеченно изучал историю развития костюма. Он брал образец и копировал детально, подробно каждую линию. Только тогда, после сотен рисунков, он начал

«Дело в шляпах!»

Станция метро «Белорусская». Оригинальные идеи приходят неожиданно.

чувствовать форму, пластичку, особенность образа.

Моды недолюблены, но и сейчас нам любопытно было бы взглянуть на страничку дипломной работы Зайцева «Женский служебно-деловой костюм», за которую два с лишним года назад Слава получил отличную оценку. Сейчас двадцатипятилетний художник-модельер Вячеслав Зайцев — один из ведущих на экспериментально-технической швейной фабрике в Москве. Вся фабрика молодежная и молодая. Ей около трех лет. Здесь дружный коллектив энтузиастов, неограниченные возможности поиска. Работа на фабрике и помогла Славе найти свой стиль — «стиль Зайцева» (это уже стало термином). Как-то полусерьезно-полусерьезно он заметил: «Модно то, что хорошо забыто». Это справедливо.

Сейчас силуэт одежды прост. Это, естественно, продиктовано условиями нашей жизни, для которой характерны новые ритмы, рожденные прогрессом науки и техники, всем движением нашей жизни.

Но предельной простотой и утилитарностью всегда отличался... народный костюм. Он был прямым воплощением народной мудрости в одежде.

— Стройность, простота, гармоничность в народном костюме. Он, как песня, а песня всегда высокая,— объясняет Слава.— Мы снова возвращаемся к сарфа-

ну. Он удобен. Можно часто менять блузы: рабочие, праздничные. Народ всегда отлично чувствовал не только линию, но и фактуру ткани и цветовое решение костюма. Стоит только взглянуть краешком глаза в сокровищницу народного быта, и вместе с самыми неожиданными формами костюмов вы встретите такой вихрь цветов, такие смелые сочетания красного с зеленым, зеленого с синим, фиолетового с розовым и зеленым, черного и белого, такое разнообразие форм рукавов, ворот, отделок!

Конечно, бессмысленно целиком копировать народный костюм, но детали его дают неограниченный простор фантазии художника-модельера. И недаром даже в Париже ведущие модельеры сейчас пристально изучают исторический и народный русский костюм.

Мода сегодняшнего дня строится на «гениальной простоте».

Модные в этом году цвета: синий с белым, золотисто-оранжевая гамма, цвет кукурузы, спелой дыни, гамма коричневых или сочных зеленых цветов. Слава Зайцев всегда соблюдает чувство меры в линиях и рисунках костюма.

Я смотрю эскизы В. Зайцева, много эскизов женских платьев, костюмов, и по-короткому завидую тем девушкам и женщинам, которые что-нибудь сошьют себе по моделям этого художника.

Эти модели Слава Зайцев предлагает девушкам к весне и лету.

Взгляните на фото: для молодых инженеров в свитерах, связанных из нити созданного ими недавно поливинилхлоридного волокна, «ПВХ», как называли до недавних пор искусственно созданные институте синтетических волокон. После долгих превращений из белого порошка — вещества природной смолы — получают тонкую серебристую нить. Прика из ПВХ ничем не отличается от

шерстной. Разве что она прочнее и теплее. Новая синтетическая «шерсть» найдет самое широкое применение в изготовлении лечебной формы, различных теплоизоляционных тканей. Из нее будут вязать свитера, футболки, береты.

На чертенике рисуются контуры нового предприятия — завода по производству поливинилхлоридных нитей.

В огне не горит, в воде не тонет...

«При пожаре звоните по телефону 01!» На плакатах с этим призывом рисуют, как правильно, забывающиеся любителям телефонов разговоров и расклевывая угол на тлеющем столе.

Здесь все выглядело иначе. Пышущий жаром утюг был поставлен на отполированную поверхность, а вместо стола. Видя наше ошеломление, «изобретатель» правил пожарной безопасности равнодушно оторвался на стол белочку чернил, выплеснувшую ее флакон на кислоту. В довершение погущения о стол окурки и ошатили бедную крутую кашпалку. Стол при этом остался невредимым.

Все это происходило на наших глазах в лаборатории №1 московской мебельной фабрики. Необыкновенные столы — плод совместных усилий мебельщиков и химиков, создавших чудодейственный полиэфирный лак «113-220». Он-то и придает предметам незыблемые свойства.

Химия предоставила конструкторам

множество и других ценных услуг: невидимый синтетический подер, ореховый дубовый и их хвойные собраты уступают дорогу красивым изделиям из древеснополиэтиленовых плит. Они намокло делаются и прочие натуральные. Сырьем для их изготовления служат стружки и опилки в соединении с полимерными смолами.

Шмак из тканей эластичной укрывает покров кокетку. А если древняку дополнительно пропитать препаратом кремнефтористого натрия, то новые разработки рисские химии, то никакая смерть и влага не смогут воздействовать на материал.

В воде, пропитанной новым составом, можно безбоязненно купаться хоть в круговых плаваньях, не опасаясь, что борта ее начнут набирать или гнить. Знаменитый норвежский ученый и путешественник Тур Хейердал не нашел бы лучшего материала для постройки «Кон-Тики», ибо здесь бальсовое дерево, из которого был собран плот, менее стойко и влаге.

«ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ» И ЛИМОННАЯ КОРОЧКА

На старую доску с крутами от горячих кастрюль и сковородок поставили чайник. Лишь чай, бесовский. А когда чайник убрал, гость заметил, что на доске лежит... небольшая корочка. Пикантная. Проткнул пальцы — лет корочки. Посмотрел — да вот же она лежит. И такая свежая, будто дражит.

Галлюцинация? гость никогда не страдал и поэтому... решил купить волшебную доску. Хозяин деревенского дома равнял рукам. Так за чудачество гурожанца — покупать грязную подставку для чайника!

Академик Иван Людвигович Кнуниця не расклевало рад по-кутке. Выпавшая кухонная доска стала главным предметом его вечерних разговоров.

Так прошел год. Доска ничуть не постарела. Да и где ей постареть, если от роду ей было больше трех веков! Наоборот, она помолодела, как розовый куст весной. Целый год искал Иван Людвигович Кнуниця состав эликсира, который вернул бы молодость глянцу доски. А когда нашел и прокузил им черную глянцу ее померканию, произошло чудо. Жемчужно-розовым светом засиял краснотел перламутр прекрасной равнины. Холодно поблескивая словно припорошенные ивнем крупные инеогришки. Аппетитно выглядели перески, ивие и крупное божале. Красный омар расклевывался в утку. А вот и старая знакомая — скрученная лимонная корочка. Так глянцу доска снова превратилась в шедевр — натюрморт Иорис Ван Соа. Промывания этого голландского живописца, творившего в XVII веке, очень редки в Советском Союзе. В Ленинградском Эрмитаже висит всего лишь одно полотно его кисти. Теперь в СССР есть еще один шедевр Иорис Ван Соа. Чудесный эликсир освободил его от темного налета веков.

Академик Иван Людвигович Кнуниця не профессиональный реставратор. Он захватил. Но уже много лет посвящает он свои вечера восстановлению старых картин. Знание химии весьма облегчает эту работу. Иваном Людвиговичем найдено много новых средств для возрождения реставрированных обликов шедевров, которые даже профессиональные реставраторы привыкли называть потерянными для человечества. Он вернул на бабанин полотно таеж живописцев прошлого века, как итальянец Варьере и англичанин Бонингтон, итальянец Санга Дитито и голландец Иорис Ван Соа. А недавно И. Л. Кнуниця закончил свою новую работу — реставрировал «Мадонну». Возраст и происхождение этой картины еще не установлен точно. Но, по предварительным данным, ее написал художник эпохи Возрождения, принадлежавший к школе великого Рафаэля.

Первый протест был из художественной самодеятельности. Он хотел бы получить от меня текст концерта с итермией для концерта на вечер отды. Отказываю ему я не успею, потому что второй в очереди стоила каверныйего вида дама. Она попросила передать ей текст буклета, на котором было написано: «Семьное Витторо Алпанонович, 90 лет, уходит на пенсию».

— Исют! — спросила женщина.
— Нет, — откровенно признался я.
— Аарс!

— Чей? — Мой голос стоа хриплым. — Не чей, а кому! Вот ему, Аполлому что сейчас. Теперь я слышу.

На всякий случай я сказал, что исю. Дама улыбалась, разметав по пути остатки омерзды. Я не успел опомниться, как уже имел заказы на составление двух заявлений об очередном отпуске. Затем следовало выработать два письма в райисполком, заявления в суд и опиту... замочить стеногазету, последним в очереди стола Герасим Орлов.

— Душеги! — сказал я ему.
Он решил, что я пошутил, засмеялся и ушел.

Что мне оставалось делать? Только исполнять свой долг. Писал я и неурологи и педрагитации, заявления и письма, обязательства и весь материал для стеногазеты. Писал утром и вечером, а ночью. По дороге на работу изучал пособия по стилистическому опомнению обывателя.

Сослуживцы придухивали для меня склепные пьесы и романы, темны для инкопедияции и рассказов.

— Да вы бы сами писали! — говорила и ям, ввда что так просто.

— Где уж нам, — отвечали мне, — тут... тут... тут... галупу нукам.

С тавим мышьяком нельзя было не согласиться.

Я получаю приглашение на сбор в школу, где учился мой сын. Ради сына и его будущего мне пришлось съездить в Восточную... «ежегодник писателям» обещается там, что я получу

наказ больше писать интересных книжек для детей и еще по комсом.

Итак, у меня в руках, читая, вышло одно из центральных газет, я наткнулся на небольшую статью, критическую ивмету «Книжечки» в нашей организации. Статья была подписана фамилией, которую я специально узнал от газет. «Нанеонце», — подумал я. — Давно пора навести у нас порядок. Ите при мне — директору или только выговор дадут? Раздумывал — отив, я оторвался на работу.

В маршере стоили кучки курьезничков. Я подошел к одной из них. — Что смотрите по статье, ребята?

— Молодец! Здорово ты их! Давно пора!

— При чем тут я? Как при чем — удивился я равнодушно. — Это-то вы ты написали!

— И не думал. Да в фамилия автора — Волочин, а не мой.

— Ребята, симпатично усмехнулся. Ввали поехали инушительная фигура моего канцелярского товарища отпустил. Шеф прошел, даме не взглянуть на мою сторону. Да и у нее по привычке полз у, кармаз за спичками.

Силы понимали мене. Вдур я опустил переноску ружичко в руку моей дочери Герасим Орлов.

— Восточная... «ежегодник писателям» обещается там, что я получу

душной отделом получив выговор. При встречах со мной он шипел: «Я-то тебе растые, чернильная душка! А-то тебе растые».

У меня он больше не принимавал, завла себе замкнулся.

Я не выдержал. Последнее свое предложение я отнес директору и писал на имя нового директора в привычной манере: «Просьбу освободить меня от работы в связи с переходом в писатель».

— Отпустил меня удовлетворенным. Там я стал писателем.

Восемь лет назад «Смека» представляла своим читателям молодого сказочника Феликса Кривина. С тех пор на страницах центральных газет и журналов регулярно публикуются его произведения.

Кривин рассказывает в своих сказках о вещах, рассказывает увлекательно, обаятельно зоркой глаз. Но объектом его внимания бывают, разумеется, не вещи, а человеческие характеры. Пишет он в остроумной, тонкой манере, без нажима, не впадая в выдумку.

Феликс Кривин живет в Ужгороде, работает в местном издательстве. Свое приращение он делает не сразу, переменяет несколько профессий. Был мотористом на паровозе, коллектором в типографии, учителем. Ф. Кривин — автор нескольких книг: «Вокруг кланца», «В стране вещей» («Советский писатель»), «Вещи вещей» (Библиотека «Криволиаз»).

Бор. ЕГОРОВ

САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

ЗВЯЗКИ

— Жизнь нет от этого бурьяна! — похвещается Колося. — Чтоб его град побил, чтоб его молния испепелила! — Что ты говорюшь! — раздраженно Колося его товарищи. — Если случится покая, то мы все storm, никого не останетс.

— Ну и пусть storm! — не унимается Колося. — Зато на нашем месте вырастет другое колосы.

— А если вырастет бурьян?

МУХА

Возле зеркала все время крутились люди, и Муха захотела узнать, что они там увидели. Дондавшись, когда все разошлось, Муха подлетела поближе и заглянула в зеркало.

Полувесьму презрительно фыркнула она — обычная муха, и ее даже, кажется, где-то видела.

Муха презривалась.

Но что-то они все-таки в ней нашли. На меня, небось, и внимания не обращают, а на нее...

И Муха еще раз посмотрела в зеркало — теперь уже с уважением.

ТРЕЩИНА

Когда стали заселять новый дом, первой в нем поселилась Трещина. С высоты своего потолка она оглаждала отведенную ей комнату и презрительно сплюнула штукатурку.

«Брррр!» — сказала Трещина. — И это называется — новый дом!

— Что вы плюесть? — прокричала Половица, приподнялась. Раз вая не нравитс, не надо было вселятьс.

— А если я хочу в новый дом? Сейчас все тумусь и к новому. С какой стати мне отставать от мизин!

Трещина сказала — как причитать. Потому что при последние словах из нее вывалился такой кусок Штукатурки, который быстро поставил Половицу на место.

Ишь ты, заступник нашесля! С тачини поведем, глядишь, дом и вовсе развалитс!

Так подуваяши двери и окна, которые не найдому отрывались и позолые вслужу своего мнения не высказывали. Ному осята, нан Половица, получить за Трещину.

БЕРЕГ

— Ты не боишьс утонуть? — спросила Волна Штину.

— Утонуть? — встревожилось Волна. — Ты сказала — утонуть!

И Волне впервые захотелось на берег.

Она приехала нан раз вовремя, чтобы захватить на берегу местико попочи, и ослала на ветлом песке, собираясь начать новую жизнь — без травы и волнений.

И тут она почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног.

— Топу! — вскрикнула Волна и ушла под землю.

СЕКУНДА

Был большой разговор о том, что нужно беречь каждую секунду.

Сначала выступал Голя. Он подробно остановился на общих проблемах времени, сравнил время в прошлые времена со временем в наше время, а в заключение, когда время его истекло, сказал, что нужно беречь каждую секунду.

День, который выступал вслед за ним, вкратце повторил основные положения Голя, и так как времени на другое у него не оставалось, закончил свое выступление тем, что надо беречь каждую секунду.

Час во всем был согласен с предыдущим ораторам. Впрочем, за недостатком времени ему пришлось ограничить свое согласие в самом скатном виде.

Минута успела только напомнить, что нужно беречь каждую секунду.

В самом конце слово дали Секунда.

— Нужно беречь... — сказала Секунда — и кончилась.

Не уберегли Секунду, не убереган.

Рисунки Е. МИГУНОВА

— ВОТ МАМОЧКА ОБРАДУЕТСЯ!
Рисунки О. ТЕСЛЕРА

«ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ»
Рисунки А. СУХОВА

Первая страница обложки художник-модельер Вячеслав Зайцев. (Фотооригинал, нан раскладывают новые модели модных костюмов, смоделированные на страницах 28—29).

Фото М. МУРАЗОВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, А-47, Бульварный пр. 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-83; отдел очереди и публикации — Д 3-31-03; международный звонки — Д 3-31-09; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-87; печати и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-91.

Главный редактор В. И. Самозин.
Редакция: Ю. Н. Воронцов, Е. А. Доловатовский, К. И. Замощин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Кочетов, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), Е. И. Рыбчинский, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безухова.
Технический редактор Н. Вудкина.

Подписано в печать 25.12.1984 г.
Тираж 1 000 000 экз. № 14. Л. № 394.
Знак № 298. Формат бумаги 70 x 108¹/₂.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина Москва, ул. «Правды», 24.

Ночной Разговор

Музыка М. ФРАДКИНА
Слова В. ЛАЗАРЕВА

Зимний город заснул уже.
В синем сумраке лишь одно
На двенадцатом этаже
Не погасло твоё окно.
Я захожу в автономной ночью,
Этот свет, как тревожный взгляд...
Набираю номер я твой,
И сигналы к тебе летят.

Привет:

А вокруг ни машин, ни шагов,
Только ветер и снег.
В самом центре Москвы
Не заснул человек.

Голос в трубке слегка дрожит,
Я волнение твоё ловлю.
Что с тобой случилось, скажи!
Отвечаешь ты мне: люблю!
Я молчу, я готов обнять
Даже дом у Москвы-реки.
Повтори мне это опять,
Только в трубке гудки...

Привет.

Где-то рядом рассвет уже.
В синем сумраке лишь одно
На двенадцатом этаже
Все не гаснет твоё окно.
Ухожу я под звездами звезд,
Мне не спать уже все равно...
Сберегу от бурь и от гроз
Мир, в котором, твоё окно.

Привет.

Не спеша. *mf*

Зимний город заснул у же. В синем сумраке лишь од-но на две.

маж. ца. том а. та же не по. гасло твоё ок. но. Я захожу в ав. том. мат. ноч. ной.

этот свет, как тревожный взгляд... На. би. ра. ю но. мер я твой, и си. гна. лы к тебе ле. т.

Привет

т.т. А во. круг ни ма. шин, ни ша. гов, толь. ко ве. тер и сне. г. В са. мом цен. т.

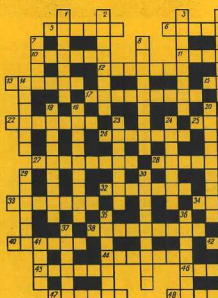
ре Мос. квы не заснул че. ло. век. // век.

rit.

По горизонтали:

- Героиня негритянского народа, участница гражданской войны в США 6. Немешанский, лауреат международной Ленинской премии. 10. Бразильская общественная деятельница, лауреат международной Ленинской премии. 11. Механизаторская установка на животноводческой ферме. 12. Летнее женское платье. 13. Весенний цветок. 15. Город в Вологодской области. 17. Популярный советский авторитет. 20. Старшая деятельница революционного движения Герой Социалистического Труда. 25. Музыкальный институт им. Породов Назидая и Средней Азии. 26. Комсомольско-партизанская героиня Великой Отечественной войны. 27. Улучшение сортов сельскохозяйственных растений, пород домашних животных. 28. Представительница народа, населяющего Кавказ. 32. Советская художница, населяющего Кавказ. 33. Русская писательница XIX века. 34. Поэт в Туинсе. 38. Город на Украине, железнодорожный узел. 40. Плошадка с перилами, выступающая по фасаду здания. 42. Советская гимнастка. 44. Старинная русская хлебная мера. 45. Стратегическая волонка. 46. Лесная певчая птица. 47. Самая высокая гора на Аляске. 48. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Черевички».

К Р О С С В О Р Д

По вертикали:

- Действующее лицо романа «Вита в пути». 2. Сорт пшеницы. 3. Советский балерина. 4. Зерноводная культура. 7. Деревянный или металлический сосуд с крышкой для жидкости. 8. Небольшая скульптура. 9. Молодежный музыкальный ансамбль Югославия, выступавший в Советском Союзе. 14. Минерал, применяемый для изготовления фосфоритных удобрений. 16. Первая чемпионка мира по шахматам. 18. Мироздание, юсское. 19. Минеральная вода. 21. Автор драмы «Славная песня». 37. Произведение живописи. 39. Оливковое дерево. 41. Спутник Земли. 43. Приток Дуная.

Составил А. ЧИСТЯКОВ,
пос. Ярославский,
Приморского края.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

- Кручинина. 7. Малеин. 9. «Урюган». 10. Арвалл. 13. Минер. 16. «Горюх». 18. Чалов. 19. Рейттер. 20. Бриал. 21. Пинар. 22. Мелехов. 23. Айда. 24. Фауер. 26. Цицерон. 28. Кения. 29. Нубия. 30. Тимор. 31. Фенера. 34. Период. 35. Аралсор. 36. Шаошаров.

По вертикали:

- Судан. 2. Ситец. 3. Шиппа. 5. «Старик». 6. Ауэзов. 7. Мале. 8. Орхон. 11. Гладиолус. 12. «Кривая». 13. Меллер. 14. Велесина. 15. Стрелан. 16. Геродот. 17. Цыган. 18. Гулдес. 26. Цитра. 27. Нигер. 28. Нокина. 32. Аргон. 33. Ламба. 34. «Полет».

Фото Г. ТЕР-ОВАНЕСОВА

Когда имя Татьяны Коноховой появляется в титрах нового фильма, по залу непременно проносится волна оживления. И не удивительно: Конохова — одна из самых популярных актрис нашего кино. Только за последние шесть лет она сыграла 17 главных ролей в фильмах. Героини Коноховой — это в основном наши молодые современницы, девушки разных характеров и непохожих судеб. Однако не менее примечательны успехи актрисы и в работе над образами из эпохи давно минувшей — гордой свободной Анфисы из «Вольницы», Ф. Гладкова, Лизы Мещниковой из кинодилогии по романам Федина «Первые радости» и «Необыкновенное лето», номсомальского вождя из фильма «Еврей, барабан!».

Первую роль Татьяна сыграла, будучи еще студенткой ВГИКа, в фильме режиссера Александра Роу «Майская ночь». Это была нежная и грустная дичиха Ганна. Прекрасные сценические данные,

непосредственность героини стали одной из причин успеха картины. А дипломной работой Коноховой была роль шофера Катя в фильме «Доброе утро».

И окончанию института Татьяна Конохова сыграла немало ролей. Однако по-настоящему отыграть драматические возможности молодой актрисы сумел один из старейших наших режиссеров, Григорий Рошаль. Он поручил Коноховой роль Анфисы в фильме «Вольница» — молодой женщины, прошедшей через многие испытания и остающейся гордой, несломленной. Здесь игра Коноховой достигала подлинно трагического звучания.

Затем последовали новые роли в кино, новые удачи. Одна из самых запоминающихся удач актрисы — образ нашей современницы в фильме Леонида Лукова «Разные судьбы».

Сейчас Татьяна Конохова в полном расцвете творческих сил. Зрители ждут новых встреч.

